

Анатолий Дроздов

БОЖЬЯ КОРОВКА

Книга 2

Анатолий Федорович Дроздов

Божья коровка. Книга 2

Серия «Божья коровка», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69844999

Аннотация

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст, работающий в разных жанрах. Представляем роман «Божья коровка», написанный в смешанном жанре «попаданчества» и альтернативной истории.

Смерть ещё не конец. А для героя книги – это не просто начало новой жизни, но и возможность изменить жизнь другого человека, перевернув её полностью. Погибнув в наше время, герой оказывается в 1967 году, в Советском Союзе, в теле умственно отсталого юноши по имени Борис Коровка. Опекуны давно прибрали к рукам его имущество и полагающиеся от государства деньги, а сам парень не имеет никаких шансов на достойную жизнь. Однако теперь всё поменяется, ведь внутри него человек с умом, образованием, а главное, жизненным опытом и знанием истории. Борису чудесным образом отменяют диагноз, он идёт служить в элитные в ту пору погранвойска, а там, как знать, возможно, герою удастся изменить судьбу не только одного человека, но и целой страны.

Во второй книге Коровка увольняется в запас, получив во время службы звание Героя Советского Союза. Вскоре он обретает известность как художник, музыкант, певец. Казалось бы, живи и наслаждайся, но знание о дальнейшей судьбе страны не даёт Борису покоя. Может ли песчинка постараться изменить ход истории, или лучше остаться в стороне и просто наблюдать за происходящим, обеспечив себе комфортные условия существования? Подробности – в книге.

Содержание

1	6
2	27
3	48
4	73
5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анатолий Дроздов
Божья коровка. Книга 2

*** * ***

1

Летним днем 1969 года в сквере, что напротив Белорусской консерватории, было необычно многолюдно. Девушки в нарядных платьях, юноши в костюмах группами стояли у скамеек и деревьев, перекрыв проходы по дорожкам. Студенты – а они все являлись ими – гомонили, шутили и смеялись. Учебный год закончился. Сессия с ее экзаменами и волнениями осталась позади, впереди каникулы. Руководство вуза проведет собрание, огласит итоги, пожурит, похвалит и распустит по домам. До начала сбора осталось полчаса. Отчего не провести их не в стенах здания, а в сквере, на чистом воздухе? День-то выдался хороший...

К группке щебетавших у скамейки девушек подошла приехавшая на автобусе студентка – стройная, красивая, с длинными ногами. Ее милое лицо с острым подбородком светилось торжеством. Подойдя к подругам, она вступила в круг и обвела всех многообещающим взглядом.

– Зинка прибыла! – воскликнула кругленькая конопатая студентка, сидевшая на скамейке. – Ну, разведала?

– Разумеется, – хмыкнула прибывшая. – Или ты меня плохо знаешь, Галя?

– Не томи! – взмолилась конопатая.

– Значит, так, – начала Зина. – Борис Михайлович Коровка. 1949 года рождения...

– Всего двадцать лет? – удивилась Галя.

– Девятнадцать, – уточнила Зина. – Двадцать будет первого июля.

– Мне он показался старше...

– И мне тоже, – подключилась симпатичная студентка в платье в голубой горошек. – Взрослый и солидный парень, а не то, что наши.

– Ну, так сколько пережил, – развела руками Зина. – Во-евал, был ранен.

– И поет-то так! – вздохнула Галя. – Прямо в душу западает.

– Точно! Правда! – зашумели остальные.

– Мне продолжить или вам достаточно? – спросила Зина, недовольная тем, что ее перебили.

– Говори, конечно! – поспешила Галя. – Что еще узнала?

– Он минчанин, сирота, проживает в однокомнатной квартире на улице Седых. Не женат. Адрес, телефон имеются, – Зина помахала извлеченной из сумочки бумажкой.

– Как смогла? – изумилась Галя.

– Что тут трудного? – усмехнулась Зина. – Для начала в справочном бюро узнала адрес. Имя, отчество, фамилию Бориса нам сказали перед его выступлением в консерватории. Год рождения, понятно, не назвали, но прикинуть можно было. Только не понадобилось – у него фамилия довольно редкая. С таким именем и отчеством в Минске он единственный. Зная адрес, по «09» раздобыла телефон в квартире, но

звонить ему не стала. Неизвестно, что ответил бы. Позвонила в ЖЭК и представилась сотрудницей паспортного стола.¹

– Ну, даешь! – покачала головой девушка в платье в голубой горошек. – Вдруг узнают?

– Каким образом? – ответила ей Зина. – Не думаю, что в жэке номер телефона паспортного стола есть.² Я им сказала, что сверяю данные в учетной карточке. Вот они и сообщили: месяц, день и год рождения, а еще – семейное положение, кто прописан на его жилплощади. Рассказали, что он признан инвалидом и пока что не работает. А квартира, кстати, ничего. Я сказала: однокомнатная, но на деле-то – полуторка. Зал и спальня без окна. Нет балкона, к сожалению. Но жених завидный, в Минске поискать такого, чтобы без родителей в квартире. Да еще Герой Советского Союза!

– А тебе бы только выгода, – укорила Галя и вздохнула. – Он красивый и талантливый.

– А глазищи-то какие! – поддержала девушка в платье в голубой горошек. – Васильковые, ресницы словно крылья. Глянет – сердце замирает.

– По чужим квартирам посчитаешься – про красоту забудешь, – усмехнулась Зина. – Нет, девчонки, у мужчины должно быть жилье. А еще – зарплата, должность, положение. Вот тогда – жених. А иначе...

¹ В то время паспортисток при ЖЭК-ах не имелось, и такой звонок удивления не вызывал.

² Определителей телефонных номеров – АОН тогда не существовало.

– Для тебя тогда он не подходит, – усмехнулась Галя. – Есть квартира, зато нет зарплаты с должностью.

– Это ненадолго, – покачала Зина головой. – Для него найдут и должность, и зарплату. В Минске все Герои старые – на войне награды получили, а молодой всего один. В сентябре сами все увидите – он учиться будет с нами.

– Правда? – ахнула студентка в платье в голубой горошек.

– Информация из первых уст, – покровительственно усмехнулась Зина. – Ректор лично предложил Коровке поступить в консерваторию. Как Героя его примут без экзаменов, не считая творческого испытания. Ну, так с ним проблем не будет: сами слышали, как играет и поет. Еще песни сочиняет... Я вам более скажу: быть Борису нашим комсомольским вожаком. Ему это тоже предложили. А теперь представьте перспективы. К окончанию консерватории он вступит в партию. Не задастся с музыкой – по партийной линии пойдет. Для начала в комсомоле поработает, а потом – в райкоме партии или министерстве. Для Героя двери распахнут везде. Все понятно? Замечательный жених!

– Меркантильная ты, Зинка, – укорила ее Галя. – Наверное, уже планы строишь, как Бориса охмурить.

– Я не строю, – улыбнулась Зина. – Я добьюсь! Или кто-то в этом сомневается?

Она снисходительно взглянула на подруг.

– Это еще как сказать! – возразила собеседница в платье в голубой горошек. – Выбирать-то будет он.

– Думаешь, тобой заинтересуется, Оля? – спросила Зина. – Ну, давай, попробуй. Потом все вместе посмеемся.

– Ты красивая, конечно, – согласилась Ольга. – Парни с тебя глаз не сводят, но не все, заметь. Помнишь, как поэт сказал? И она продекламировала:

*А если это так, то что есть красота,
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*³

– Считаешь, я пустышка? – хмыкнула Зина. – Ну, ну. Кто лучшая скрипачка курса? Кто член комитета комсомола консерватории? Кто отличница и любимица преподавателей? У кого конспекты просите посмотреть перед экзаменами? Дальше продолжать?

– Не злись, Зинка! – поспешила Галя. – Ольга не со зла. Ты – все про квартиру с должностью, ну а мы хотим любви. Чтоб большая, настоящая, как о ней в романах пишут. Ты ж в нее не веришь.

– Почему? – не согласилась Зина. – Думаешь, Борис мне не запал? Еще как, подруги! Я с ним рядышком стояла, когда он петь закончил и сошел со сцены. Глянул он, – и я как будто воспарила. У него глаза, как луч гиперболоида,⁴ прожигают

³ Стихи Николая Заболоцкого.

⁴ Отсылка к популярному в то время роману Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Гиперболоид – предвестник современных лазеров.

до души. Сам красивый, даже шрам на лбу его не портит! В девятнадцать не пацан – мужчина. Жизнь с таким связать – большое счастье. А квартира с должностью его упрочит. Так я думаю. Ладно, – она посмотрела на наручные часы. – Поспешим, подруги, через пять минут начнется.

Девушки вспорхнули с лавки, словно птички, и цветною стайкой потянулись через улицу к консерватории. Впереди шагали и другие студенты. Плотною толпой поднимались на крыльцо с колоннами, заходили в широко распахнутые двери здания. Зина и ее подруги и представить не могли, что их сегодняшний разговор окажется пустышкой. Что запавший в сердца многих молодой Герой не придет к ним осенью учиться. Помешают непредвиденные обстоятельства.

* * *

Конец июня в Минске выдался дождливым: гремели грозы и хлестали ливни. Но июль, как будто специально ко дню рождения Бориса, разогнал на небе тучи. День обещал быть солнечным и теплым. Только этот дар природы именинник оценил потом. Его сорвала с постели трель телефонного звонка. Как был, в трусах, Борис добежал до аппарата и подхватил пластмассовую трубку.

– Алло? – промолвил сонно.

– Что, дрых? – в трубке раздался смех. – Отвык от дисциплины, старшина? Расслабился ты, Боря, на гражданке.

– Привет, Сергей, – Борис вздохнул. – Вчера немного зачитался, спать лег после полуночи. Могу себе позволить: отвоевались мы с тобой. Подъемы больше не для нас.

– Я в семь встаю как штык, – сказал Сергей. – Потом сижу, грызу гранит науки. Экзамены в университет не за горами, а я на службе почти все забыл. Учебники достали до печенки. Тебе завидую – сдавать не надо. Ладно, Боря, я чего звоню? Хочу поздравить с днем рождения. Теперь ты взрослый парень – целых двадцать лет.

– Сказал старик, которому полтинник, – Борис невольно засмеялся. – Сам-то когда двадцатилетие отметил?

– Три месяца назад, – сказал Сергей. – Как ни крути, но я постарше. Здоровья тебе, Боря и успехов, большого счастья в личной жизни. Красивого и доброго. Ты его достоин.

– Спасибо, – поблагодарил Борис. – А сам-то как? Подругу не нашел?

– Какие тут подруги? – вздохнул Сергей. – Родители следят, чтоб я зубрил, всех посторонних отгоняют, словно мух от меда. Как в тюрьме сижу.

– Ко мне отметить день рожденья отпустят?

– Сказали, чтобы ехал к нам. Так и велели передать.

– Отмечать свой день рожденья в гостях? Вы стол накроете, а я прибуду на готовое – дескать, поздравляйте? Волонтеризм какой-то.

– Ты нехорошими словами не ругайся, – хохотнул Сергей. – Есть ряд причин. Во-первых, нам ты не чужой. Мать

тебя родным считает – дескать, сына спас от смерти. Еще ты сирота, и стол приличный не накроешь, – так она сказала. Предложишь гостю водку с плавленным сырком, – друг снова засмеялся. – Но главное не в этом, Боря. Я стер кульяш-ку до крови. Вчера гулять пошел, да так увлекся, что забыл. Ноги-то нет. Домой вернулся, снял протез, а носок-то весь в крови. Мать увидала – хватъ за сердце. Попричитала для начала, а потом пилила. В гости не отпустит, так что ждем тебя к шести. Придешь?

– Раз так, конечно.

– Ну, тогда до встречи.

В трубке запиликали короткие гудки. Борис положил ее на рычаги и занялся собой. Сложил постель в диван, оделся и умылся. Едва поставил чайник на плиту, как затрещал дверной звонок. Он побежал в прихожую. За дверью обнаружилась директор гастронома, Валентина Алексеевна, с заведующими отделами. В руке она держала тяжелый сверток, упакованный в бумагу.

– Здравствуй, Боря! – улыбнулась имениннику. – Принимай гостей.

– Проходите, – Борис отступил в сторону.

Директор с подчиненными прошли в зал и развернулись.

– С днем рождения тебя, Борис! – сказала Алексеевна и вручила ему сверток. – С двадцатилетием! Мы тобой гордимся: Героя воспитали. Здоровья и успехов, счастья в личной жизни. Прими от нас подарок, – она протянула ему свер-

ток.

Борис взял его и развернул. В свертке оказались коробка шоколадных конфет и бутылка молдавского «КВВК», что означало «Коньяк выдержанный высшего качества». Это подтверждали напечатанные ниже цифры: «10 лет».

– Спасибо, – поблагодарил Борис, сгрузив подарки на стол. – Будем пить за именинника? – он щелкнул ногтем по бутылке.

– Что ты! – засмеялась Алексеевна. – С утра? Нам работать нужно.

– Тогда чаю?

– Это можно, – согласилась Алексеевна. – Но недолго, – дел полно.

Посидели, попили чаю с шоколадными конфетами, но не задержались – у людей работа. Проводив гостей, Борис прошел на кухню, сел на табуретку и задумался. Прошло всего два года, как его сознание погибшего в Попасной офицера переместилось в тело юного дебила в Минске. Но сколько же событий вместились в этот небольшой, в общем-то, срок! Он перестал быть инвалидом по рождению, сдал экзамены за десять классов средней школы, поработал грузчиком у Алексеевны. Был призван в пограничные войска, где пережил два боя на Даманском. Там был тяжело ранен и три дня лежал в беспомощности. Но все ж очнулся и встал на ноги. Из армии его комиссовали – левая рука теперь короче – и дали инвалидность, но это ненадолго. На ВТЭК сказали, что

скоро снимут. Это не существенно – учиться в вузе не мешает. Таскать мешки и ящики он более не будет – Герою не к лицу.⁵ Осталось выбрать вуз: Героя везде примут без экзаменов. Его зовут в консерваторию и Суриковский институт⁶. Куда пойти?

Еще недавно он бы ответил, что хочет стать художником: хорошо рисует. Талант достался по наследству от юного дебила, в которого вселился офицер – верней, его душа. А музыкой он заинтересовался сам: играет на гитаре и поет. В консерватории кричали «Браво!» – им понравилось. И сам Борис (когда-то Николай) почувствовал, какой это восторг – петь для большого зала! Когда тебе внимают, затаив дыхание, ты управляешь слушателями, пробуждая в них желанные тебе эмоции. Теперь он понимал, почему многие в его прошедшей жизни так стремились на эстраду. Желали славы, денег? Разумеется. Но что, к примеру, подвигло стать певицей дочку олигарха? Прежде чем пробиться на сцену, она работала как вол, – за деньги популярности не купишь. Так что ее вело? Не это ль единение с огромным залом, где ты становишься объектом обожания? Словами этих чувств не передать.

Вздыхнув, Борис решил оставить думы и заняться другим. Звонок Сергея поломал ему все планы. Он собирался посидеть с другом в ресторане, выпить, хорошо поесть, потанце-

⁵ Подробности см. в первой книге цикла.

⁶ Нынешняя художественная академия имени Сурикова в Москве.

вать с девушками. Но Сергей натер культу и ходить не может – не то что танцевать. Позвал к себе. Ситуация довольно неудобная: явиться в гости просто так неловко, с собою нужно что-то принести. Ну, хорошо, возьмет бутылку коньяка – подарок Алексеевны и ее заведующих. Но это для Сергея и его отца. А матери его, а сестре? Купить конфет? Что ж можно, но как-то мало...

Почесав в затылке, Борис переместился в зал, где положил на стол альбом с карандашами. Он подарит им рисунки. Но не банальные портреты, а другое, к чему здесь не привыкли. На заставе он рисовал боевые листки, вот этот подход и возьмет на вооружение.

Сюжеты в голове рождались сами. Павла Леонидовича, отца Сергея, Борис изобразил в профессорской мантии и академической шапочке-ермолке с квадратной доской сверху. В СССР такие облачения не носят, но заведующий кафедрой поймет. Щербаченя-старший стоял в окружении студентов и указывал им на дорогу, по которой брели каторжники в полосатых робах. В пузыре, вылетавшем изо рта профессора, написаны слова: «Они не чтити Уголовный Кодекс». На другом рисунке Тамара Николаевна, жена профессора, несла большой поднос с горою снеди. Жареные куры, окорок и кольца колбасы – ее куски свисают по краям. На лице женщины – радушная улыбка, в пузыре слова: «Немножко перекусим, а?» Кормить гостей мать Сергея просто обожает... Сам друг сидел перед книгой, высеченной из камня,

с надписью «История» на обложке и надкушенным немного уголком. Лицо тоскливое, а снизу подпись: «Грызу гранит науки». А вот как изобразить сестру Сергея – подростка, школьницу? Она болтушка еще та. Подумав, Борис нарисовал ее вещающей перед семьей. Отец, мать и брат давно уснули на диване, но в пузыре у Светы подпись: «А вот еще был случай...». Лица у всех изображенных на рисунках гротескно увеличены, но в то же время симпатичные.

Борис не подозревал, что только что нарисовал четыре шаржа, но он не знал такого слова. Теорию рисунка он не пытался изучать, разумно полагая, что всему обучат в институте, а постигать ее самостоятельно – напрасно тратить время. К тому же он пока не определился с вузом. Консерватория или художественный институт в Москве? А, может, что другое? Везде Героя примут без экзаменов. Временами он завидовал санитарке Вере, с которой познакомился в госпитале, где лежал после ранения. Она-то точно знала, куда ей поступать, и зарабатывала медицинский стаж. А вот Борис пока в сомнениях...

Отложив готовые рисунки, он отправился на кухню, где доел сваренный вчера рассольник. Помыл посуду, надел рубашку, брюки и отправился гулять. День выдался на редкость ясный. Светило солнце, но не припекало, дышать было легко. Хлеставшие два дня ливни насытили атмосферу влагой, но она не уплотняла воздух, как перед дождем, а делала его свежим. Борис добрал до киоска «Союзпечать», где

купил местные газеты – московские все разобрали, кроме «Правды». Еще купил журнал «Техника – молодежи». Его только-только завезли в киоск, иначе бы не досталось. Довольный, Борис отправился к себе, где и засел за чтение. Газеты просто пролистал, а вот к журналу буквально прилип. Читать было безумно интересно. В июньском номере нашлась статья об американском проекте «Аполлон». В другой интересно писали о разведении китов. Очерки об абхазских неграх (офигеть!) и о добыче нефти. Борис увлекся так, что едва не прозевал время выдвигаться. Подхватившись, он надел костюм, взял рисунки и бутылку коньяка. Поместив их в сумку из джинсовой ткани – ее он сшил сам, – вышел из квартиры. Заглянул в знакомый гастроном, прикупил конфет и пошел к трамвайной остановке...

Его рисунки вызвали восторг. Павел Леонидович хохотал, Тамара Николаевна смеялась, демонстрируя симпатичные ямочки на щеках, Сергей улыбался, и лишь Светлана поначалу дулась, но затем и она подключилась к общему веселью. Подобного здесь не дарили, по крайней мере – семье Сергея.

– В рамочку вставлю и на кафедре повешу, – сказал Павел Леонидович, любуясь своим шаржем. – Пусть завидуют. Никому такого не рисуют! И студентам покажу: пусть знают, что ждет тех, кто не знает уголовного права. Угодил, Борис. У тебя талант! Я ничего подобного не видел.

– И я, – подтвердила Тамара Николаевна. – В школу от-

несу подругам показать.

– А вот я видел, – хмыкнул Сергей. – Борис на заставе боевые листки рисовал. Не такие, как этот, – он потряс рисунком, – но ребятам очень нравились.

– Не удивлен, – сообщил Павел Леонидович. – А сейчас прошу всех за стол. Тамара постаралась, – он плотоядно потер руки.

Посидели, выпили, поболтали. Борису вручили подарок – транзисторный приемник «Спидола-10». Целых 10 транзисторов! На его робкое замечание, что подарок чересчур дорогой⁷, Павел Леонидович лишь рукой махнул:

– Ерунда! Не бедствуем. Мы тебе более обязаны – ты нам сына сохранил.

После ужина Сергей попросил сестру подать гитару – на терев культу, он ходил на костылях. Инструмент вручил Борису.

– Спой! Что-нибудь новенькое, а то мой репертуар всем надоел.

– Да, да, – поддержала Тамара Николаевна. – У тебя, Борис, душевно получается.

Что на него нашло, Борис не мог сказать – наверное, выпитый коньяк сказался. Не стоило этого петь, тем более, при девочке-подростке. Но он взял гитару, подстроил струны и начал:

⁷ «Спидола-10» в то время стоил 80 рублей 50 копеек, то есть больше средней зарплаты уборщицы или грузчика.

*На горе, на горушке стоит колоколенка,
А с нее по полюшку лунит пулемет,
И лежит на полюшке сапогами к солнышку
С растакрой-то матерью наш геройский взвод.
Мы землицу лапаем скуренными пальцами,
Пули, как воробушки, плещутся в пыли...
Митрия Горохова да сержанта Мохова
Эти вот воробушки взяли да нашли...*

Борис не заметил, как благодушное выражение слетело с лица отца Сергея, а сам он подался вперед.

*Я к своей винтовочке крепко штык прилаживал,
За сапог засовывал старенький наган.
"Славу" третьей степени да медаль отважную
С левой клал сторонушки глубоко в карман...
А на колоколенке сукин кот занервничал,
Стал меня выцеливать, чтоб наверняка.
Да, видать, сориночка, малая песчиночка
В глаз попала лютому – дрогнула рука...
Горочки-пригорочки, башни-колоколенки...
Что кому назначено? Чей теперь черед?
Рана не зажитая, память неубитая —
Солнышко, да полюшко, да геройский взвод...*

Борис умолк и поразился наступившей в комнате тишине. Он поднял голову. По щекам отца Сергея слезы прочертили

влажные дорожки.

– Павел Леонидович?!

– Не обращай внимания, – Щербаченя-старший вытер лицо ладонью. – Просто вспомнилось. Мы вот точно так лежали, только этот сукин кот бил не с колоколенки, а с водонапорной башни. Ползвода положил, пока наш танк не подъехал и не сковырнул его снарядом. Там меня и ранило.

– Ты не рассказывал, пап! – удивился Сергей.

– А чего там рассказывать? – махнул рукой Сергей Леонидович. – Меньше месяца воевал. Как наш Бегомль в срок четвертом освободили, меня полевой военкомат в армию призвал. Мне шестнадцать было, но по внешнему виду восемнадцать записали. Метрика моя сгорела, когда немцы наши хаты жгли, ну, и я не возражал – бить хотел фашистов. Ничему особо не учили – винтовку в руки и воюй. Ну, мы, хлопцы молодые, и старались. В первый раз отлично получилось: в траншею быстро заскочили, немцев постреляли, поккололи. А потом нарвались... В госпитале выяснилось, что мне шестнадцать. Отправили запрос, а из архива подтвердили. Наш, Бегомльский, как оказалось, уцелел – вывезти успели. Для меня война закончилась, и поехал я домой. А дружки мои, Колька Довнар и Сережка Кончиц, с фронта не вернулись – в том бою и полегли. Как их мамки плакали, когда я возвратился! Так-то вот, сынок. Нет у меня ни медали отважной, ни, тем более, ордена. Это ты нас у нас герой, – он взъерошил сыну волосы и повернулся к Борису: – Сам песню

сочинил?

– Нет. Леонид Сергеев.

– Он воевал?

– Не знаю.

– Думаю, что воевал, – вздохнул Павел Леонидович. – Такое не придумаешь, это пережить нужно.

– Извините, – сказал Борис. – Не хотел вас расстроить.

– Ты не расстроил, – покачал головой отец Сергея. – Ты напомнил. Иногда стоит. Только я не думал-не гадал, когда с фронта возвратился, что моему сыну доведется воевать. Мы тогда считали, что теперь мир надолго наступил. Кто бы мог подумать, что китайцы – коммунисты, как и мы... – Он махнул рукой. – Спой еще, Борис! Что-нибудь душевное, не о войне.

Борис пробежался пальцами по струнам.
*Отчего так в России березы шумят?
Отчего белоствольные все понимают?
У дорог, прислонившись, по ветру стоят
И листву так печально кидают...
Я пойду по дороге – простору я рад.
Может это лишь все, что я в жизни узнаю,
Отчего так печальные листья летят,
Под рубахою душу лаская...⁸*

– Да, талант! – сказал Павел Леонидович, когда Борис

⁸ Автор слов Игорь Матвиенко.

смолк. – И рисуешь замечательно, и поешь не хуже.

– Ему в консерватории предложили учиться, – сдал друга Сергей. – У нас, в Минске. Без экзаменов берет.

– Ну, и что ты решил? – заинтересовался Щербаченя-старший.

– Не знаю, – развел Борис руками. – Пока не определился.

– Выбирай в консерваторию! – поспешил Сергей. – В Минске будешь. А не то уедешь в Москву и, наверное, там останешься. Потеряю друга.

– Я не рубль, чтоб меня терять, – возразил Борис.

Но Сергей не согласился, и они чуток поспорили. Атмосферу разрядила Света.

– Не уезжайте, дядя Боря, – заявила важно. – Я, как вырасту, за вас замуж выйду.

Первым хрюкнул Павел Леонидович, следом засмеялась Тамара Николаевна. А спустя секунду хохотали все, в том числе и Светлана.

– Да, губа не дура, – заключил отец Сергея, когда смех затих. – Сам жених с квартирой, да еще Герой. Плюс талант у парня. Ты умеешь выбирать, дочурка.

– Вся в меня, – улыбнулась Тамара Николаевна.

– Ты не счет, – покачал головой Павел Леонидович. – За бедного как мышь студента замуж выходила.

– Ну, и что? Я разве прогадала?

– Нет, пожалуй, – согласился Павел Леонидович.

– То-то, – хмыкнула жена.

«А они ведь рано поженились, – сообразил Борис. – Если отцу Сергея в сорок четвертом было лишь шестнадцать, то сейчас сорок один. Выглядит, конечно, он постарше. Молодые ведь совсем родители Сергея. Мне, когда погиб в Попасной, больше было...»

Возвращался он к себе задумчивым. У Сергея было хорошо: теплая душевная атмосфера, все в семье друг друга любят. Ну, а он один, как дуб, растущий в поле, – всем ветрам открытый и не нужный никому. Как там Отс пел по радио? «Устал я греться у чужого огня, но где же сердце, что полюбит меня»? На его квартиру и геройский статус жадные найдутся – прав отец Сергея, очень даже прав, только что с того Борису? Ему счастья хочется и сердечных отношений – как в семье Сергея. Чтоб с женой друг друга с полувзгляда понимать. В прошлой жизни у него так было...

«Ладно, чего разнылся? – наконец, одернул он себя. – Будет у тебя любовь, непременно будет. Не сейчас, так позже. Помнишь, что монах тебе сказал? Раз Господь с тобою – не страшись! Правда, он еще про клевету с узилищем что-то говорил – знать бы, что имел в виду. Слуги Божьи говорят иносказательно, иногда голову сломаешь, прежде чем поймешь...».

Трамвай подошел к конечной остановке. Бросив рефлексировать, Борис вышел из вагона и затопал к своему дому. Стоял теплый летний вечер. Небо вызвездило так, что оно казалось пологом шатра, на котором кто-то изнутри наце-

пил сияющие блески. И они казались очень близкими: стоит подскочить – рукой достанешь. Завтра будет ясный день.

У себя в квартире он прошел на кухню, где включил подаренную ему «Спидолу». Щербаченя-старший позаботился снабдить приемник батарейками. Борис щелкал переключателем диапазонов и крутил верньер настройки в поисках передающих станций. К удивлению, нашел их много – главным образом, на длинных и средних волнах. На коротких их хватало тоже, но приему иностранных станций здорово препятствовал противный вой. Вражеские «голоса» глушили – и довольно эффективно.⁹ Тем не менее, Борис сумел поймать и «Би-си-си», и «Немецкую волну», и даже радио из Швеции. Только слушать их не стал: и козе понятно, что клеветают. Он нашел «Маяк» и добавил нужной громкости. Под музыку и новости поставил чайник на плиту, а когда тот закипел, заварил щепотку прямо в чашке. Чай индийский, «Три слона» – удалось разжиться в гастрономе, где он некогда работал. Разумеется, купил посредством Алексеевны. Подождав, пока набухшие чайники спустятся на дно, он отпил ароматного и терпкого напитка. Благодать! Ударная доза танина и теина привела мозги в порядок. Сполоснув чашку, Борис вернул ее на полку у плиты и потопал в ванную. После водных процедур расстелил постель и залез под одеяло, не забыв прием-

⁹ В Минске до сих пор стоит башня, которая во времена существования СССР использовалась для глушения западных радиостанций. В настоящее время используется для мобильной связи.

ник взять с собой.

«Завтра буду загорать, – думал, засыпая. – Выберусь к кустам на пустыре и возьму с собой покрывало и приемник. Книгу тоже захвачу. Буду там читать под музыку. Выберу местечко поспокойнее, чтобы не пугать народ своими шрамами. Хотя люди вряд ли будут. День-то будний, все работают, да и взрослым загорать здесь, прямо в городе, не очень принято. Это не на море. Хотя дети будут бегать – у них каникулы».

С этой мыслью он уснул, не забыв перед тем, как провалиться, выключить приемник.

2

Вадим был зол – да что там говорить, просто исходил дерьмом от ярости. Поход к девкам не удался, хотя Витька уверял в обратном.

– Телки молодые, глупые, нам легко дадут, – уверял приятеля. – Пэтэушницы – они распутные. Нужно только хорошенько угостить. Выпьем, потанцуем, а потом – по комнатам. Нам никто не помешает – предки на работе, дом в моем распоряжении. Жарь девок, сколько хочешь! – Витька хохотнул. – Раком, боком, стоя, лежа. В доме два дивана, и они по разным комнатам.

И Вадим купился. Гормональный шторм, терзавший его тело, требовал разрядки. Он спасался рукоблудием, и оно частично помогало, но хотелось, чтоб по-настоящему. Лечь на женское, горячее, оказаться внутри него, а затем неистово толкать туда-сюда, ощущая неземное наслаждение. О таком Вадим мечтал давно. В свои двадцать лет он ни разу не был с женщиной. Среди однокурсниц в вузе давалок не водилось, а найдись такая, ее бы мигом исключили. За моралью в вузе наблюдали строго – члены партии и комсомольцы, кураторы групп и коменданты общежитий. Девушки Вадиму глазки строили, конечно, только их интересовал законный брак. Он жених завидный – минчанин с квартирой и влиятельным отцом. Папа у Вадима – секретарь горкома партии. Пусть не

первый, но начальник, и невестку не обидит. Выбьет ей распределение в столице, заодно пропишет на своих просторных метрах. И с квартирой молодым потом поможет.

Сам Вадим все это понимал, потому таких девчонок сторицей. Ему рано сочетаться с кем-то браком, и родители не согласятся. Мать ему однажды заявила:

– Приведешь к нам лярву из провинции – я тебя самого из дома выпишу. Отбывать распределение в деревне будешь – там учителя нужны. В Хойникском районе или в Малорите.¹⁰ Отцу скажу, чтобы так устроил – он мне не откажет.

Это было правдой, и Вадим поверил. Папа был начальником на работе, в доме заправляла мать. Должность у нее была невеликой – Кира Тимофеевна возглавляла детский сад, но зато она была минчанкой по рождению, а отец приехал в Минск учиться из деревни. Здесь окончил институт, здесь и встретил свою Киру. Она жила в частном доме, где ее родители и прописали будущего зятя, благо в частном секторе, в отличие от квартир, никаких ограничений не имелось. Это помогло отцу Вадима закрепиться в Минске. Кира настояла, чтобы муж оставил мысли об учительской карьере, занялся партийной, Константин супруге подчинился. В институте проявил себя активным комсомольцем и сумел пробиться в члены партии. Получив диплом, стал инструктором райкома комсомола, а со временем – его секретарем. Пусть не первым, но зато начальником. Там его заметили. Перспектив-

¹⁰ Райцентры на границе Беларуси. Глухомань.

ного, активного коммуниста пригласили на партийную работу. Начинать пришлось опять инструктором, но Константина это не смутило – он попал в номенклатурную обойму. Из нее уже не выпадают – даже если провинишься. В худшем случае понизят, отправив в профсоюзы или на советскую работу – разумеется, начальником.

Этого, однако, с Григоровичем-старшим не случилось – он работал добросовестно. Скрупулезно выполнял порученное дело, был преданным начальству – не подсиживал его, не лез в интриги. Это оценили. Константин стал начальником отдела, а потом – и секретарем горкома партии, что сказало на благосостоянии семьи. Из полуторки она перебралась в квартиру в центре Минска. Три большие комнаты, паркет, потолки в три метра высотой. Импортная мебель – ее Кира Тимофеевна выбирала лично. Денег у семьи имелось не сказать, чтоб много, но для номенклатуры многое доступно по весьма щадящим ценам – например, продукты. В специальном ателье шьют отличную одежду, и весьма недорого. Для партийного начальства фасоны однотипные – выделяться им нельзя, а вот их супруги могут не стесняться, чем заведующая детским садом активно пользовалась, пробуждая приступы зависти у подчиненных.

Вадим рос в довольстве. У него имелось то, о чем сверстники мечтали. Своя комната в квартире с телевизором и радиолой. Импортная обувь и одежда. Спортивный велосипед «Спутник», а в шестнадцать лет он получил в подарок мо-

тороллер – не какой-то тульский или вятский, а чехословацкую «Чезету», на которой гордо рассекал по городу. К окончанию университета отец обещал подарить ему автомобиль – разумеется, если сын не доставит огорчений. И модель озвучил – «Москвич-412». Его только-только стали выпускать, и автомобиль-красавец с мощным двигателем был мечтой советских граждан. А еще в Тольятти строился завод, и с его конвейера в будущем году потекут в народ бывшие «фиаты» под советской маркой. Может быть, один из них достанется Вадиму. Потому он был примерным сыном и во всем слушался родителей.

Но гормоны в теле бушевали, и Вадим не мог с их зовом справиться. Рассказал об этом Витьке, и приятель предложил помочь:

– Ерунда, – сказал Вадиму. – Баб, готовых дать, полно. У меня таких знакомых много. Я организую.

И Вадим поверил. Витька был из сельских, жил в Зеленом Луге – умирающей деревне на окраине столицы. Город подступил к ней очень близко и грозил снести в ближайшем будущем. А в деревне, как считал Вадим, отношения девчонок и парней более свободны, чем у них в университете. Витька был его клеветником, как сказали бы когда-то. Эту роль себе он выбрал добровольно. Как прилип к Вадиму с первых дней учебы, так уже не отставал. Выполнял любое поручение, взялся и за это. Попросил лишь выдать денег на застолье, и Вадим не поскупился.

Он приехал на трамвае до конечной станции «Зеленый Луг». Прогулялся по типично сельской улице без единого клочка асфальта под переливы собачьего лая из каждого двора.

В избе у Витьки пахло кислым – соленьями, наверно. Не важно. Главное – обещанные девушки там уже присутствовали и хлопали глазами, рассматривая студента.

Поначалу шло как должно. Не сказать, чтоб Вадима впечатлили сельские фемины. Невысокие и коротконогие девчонки выглядели простовато. Но зато молоденькие, с аппетитными выпуклостями спереди и сзади. Звали их Нина и Раиса. Познакомились, расселись за столом. Витька скоренько разлил спиртное по стаканам: девушкам – вино, а себе с Вадимом водку. Выпили и закусили, завели застольный разговор. Девушки казались недалекими – говорили, мешая русские и белорусские слова. Сообщили: учатся на швей. О приятелях они немного знали – Витька постарался, в их глазах читалось восхищение. Быть в компании студентов, да еще университета... И Вадим решил, что дело на мази.

Когда все перекусили, Витька перебрал пластинки и поставил танцевальную мелодию – медленную, разумеется. Пригласил Раису, а Нину, незаметно подмигнув, предложил приятелю. Вадиму было все равно: не жениться ведь на девке. В танце он прижался к Нине потеснее, ощутив, как пробуждается желание. И она не возражала, наперев на кавалера мягкой грудью. Так и танцевали. Вдохновленный обещаю-

щим началом, Витька предложил всем снова выпить, и компания расселась за столом, где прикончила вино и водку. У Вадима зашумело в голове. Положив ладонь на бедро девчонки под подолом сарафана, он стал гладить бархатную кожу. Нина словно не заметила. Он повел рукою выше и коснулся ткани трусиков. Никакого возражения. Вадима охватило вожделение, член в штанах напрягся, затвердев до состояния кости. Он поднял глаза на Витьку. Тот мгновенно все протесек.

– Мне Раисой нужно пошептаться, – подмигнул приятель и поднялся. – Вы тут не скучайте. Раечка, идем!

Когда оба скрылись за дверями, Вадим облапил Нину и неловко чмокнул ее в губы. Девушка ответила, и с минуту они жарко целовались. А затем он встал и сдернул ее стула.

– Ну, идем! – потащил ее к дивану.

– Не пойду! – Нина стала вырываться. – Не хочу.

– Что ты из себя строишь? – прохрипел Вадим. Вожделение затмило ему разум. – Быстро! – он схватил ее за руку.

– Помогите! – закричала вдруг девчонка.

На ее истошный вопль из соседней комнаты выскочили Витька и Раиса. Сарафан последней находился в беспорядке, и она его поспешно поправляла.

– Вы чаго тут лямантуете? – начала Раиса.

– Причапился, – Нина указала на Вадима. – Больно так схापив. Синяки, наверно, будут, – потрясла она вырванной у него рукой.

– Што ж вы гэтак? – укорила Рая. – Витя мне казав: вы культурные студенты. Девушек не треба обижать. Сорам¹¹ вам!

На Вадима накатило. То, чего он так желал, похоже, не случилось, продолжения, скорей всего, не будет. Да еще какая-то деревня будет его упрекать?

– Будешь мне мораль читать? – он шагнул к Раисе и ответил ей пощечину. – Мокрощелка пэтэушная!

Девушка негромко вскрикнула, а затем, схватив подружку за руку, потащила ее к двери. У порога обернулась.

– Участковому пожалуюсь! – заявила со злостью в голосе. – Ён саставе протокол, и цябе посадят на 15 суток. Будешь улицы мести!

Дверь захлопнулась.

– Надо уходить, – подошел к Вадиму Витька. – Райка – девка вредная, участковому, как обещала, настучит. Будут неприятности. Зря ты ее бил.

– А чего она меня учить морали вздумала? – окрысился Вадим. – А вторая целку стала строить. До трусов долез – и слова не сказала. Целовалась, обжималась, а когда повел к дивану, начала вырываться. Я ей что – игрушка? Продинамила, зараза.

– Ты признался ей любви? – поинтересовался Витька. – Сообщил, что поразила прямо в сердце?

– Нет, – сказал Вадим и удивился. Говорить такое пэтэуш-

¹¹ Сорам – стыд. «Стыдно вам!»

нице?

– Без признания никто не даст, – просветил приятель. – Девкам нужно это слышать – от такого они просто тают. Вот тогда снимай с нее трусы.

– Я не думал...

– Ладно, – Витька вдруг засуетился. – Я сейчас немного приберу, после провожу тебя до остановки. Покури пока на улице.

Справился он быстро. Вскоре оба зашагали по деревне и свернули в переулок. Тот привел к найденной тропинке сквозь кусты. В отдалении маячили панельные дома. Двум студентам предстояло пересечь пустырь, выбраться на улицу Седых – ну, а там и остановка рядом.

– Участковому, когда придет, про тебя не расскажу, – утешал дорогой Витька. – Сообщу, что познакомились случайно – пили пиво за одним столом в стекляшке. Ты представился Вадимом, но не факт, что имя настоящее. А фамилии не знаю вовсе. Где искать и как? Он побурчит и отцепится. Мне-то что предъявит? Райку я не бил. Девка вредная, конечно, но на парня из своей деревни бочку зря катить не будет. Ей потом прохода не дадут.

Лучше бы Витька промолчал. Злость, притихшая немного, вспыхнула внутри Вадима с новой силой. Подогретая стаканом водки, она требовала выхода, и повод вдруг нашелся.

Миновав кусты, студенты вышли на пустырь. С правой стороны тропинки на расстеленном на травке покрывале за-

горал какой-то парень. Он уже, похоже, собирался уходить. Надев рубашку, он застегивал пуговицы на манжетах. На газетке перед ним лежали порезанные колбаса и хлеб. Рядом на траве стоял транзисторный приемник, из динамика которого лилась музыка. И Вадим узнал мелодию, под которую он с Ниной танцевал.

На глаза как будто накатила пелена. Подбежав поближе, он с размаху засадил ботинком по приемнику. Брызнула пластмасса, и транзистор замолчал.

– Ты чего творишь? – незнакомый парень подскочил и встал напротив. – Голова больная?

– Счас узнаешь! – ослабился Вадим и ударил его кулаком.

К его удивлению, удар пришелся мимо. А затем под ложечку как будто засадили гирей. Задохнувшись, он согнулся и рухнул на траву. Сзади что-то закричали, а потом вдруг рядом оказался Витька. Он хрипел, держась руками за живот. В отдалении раздалась трель свистка. Наконец, Вадим немного отдышался и, кашляя, поднялся на ноги. То, что он увидел, вмиг прогнало хмель из головы.

Его с Витькой окружили люди: двое мужиков с красными повязками на рукавах, третий – в милицейской форме. На его погонах – маленькие звездочки, старший лейтенант. Позади мужчин маячили Раиса с Ниной. На Вадима все смотрели хмуро. Парень, сбивший его с ног, торопливо одевался.

– Что тут было? – спросил милиционер, когда тот закон-

чил.

– Да вот этот... – кивнул парень на Вадима. – Подскочил и пнул ногой приемник. Расхерачил его в хлам. Когда сделал замечание, с кулаками на меня полез. Вот пришлось немного успокоить. Заодно и его дружка. Тоже бить меня пытался.

– Видел, – закивал милиционер. – Как раз вышли из кустов. Этот? – повернулся он к Раисе.

– Он, – сказала пэтэушница. – Бил меня и Нинку лапал.

– Ясно, – старший лейтенант кивнул дружинникам. – Взять обоих. Отведем в опорный пункт, там составим протокол.

– У меня отец... – пытался возразить Вадим, но старший лейтенант не дал закончить.

– Помолчи! – уронил строго. – В пункте скажешь, когда спросят. Вы, товарищ, – повернулся к парню, на которого Вадим напал, – соберите, что осталось от приемника, и возьмите все с собой. Будет как вещественное доказательство.

– Дядя Коля, – внезапно подал голос Витька. – Что нам будет?

– А статья, Витек, – хмыкнул старший лейтенант. – Двести первая¹², часть первая. Или же вторая – как суд решит...

¹² 201-я статья Уголовного Кодекса БССР 1960 года – хулиганство.

Не успел Пинчук переступить порог отдела внутренних дел, как его окликнул дежурный:

– Товарищ капитан! Начальник велел передать: как по-явитесь, немедленно к нему.

– Шимко? – уточнил инспектор дознания.

– Он, – подтвердил дежурный.

Пожав плечами, капитан направился к лестнице. Поднимаясь по ступеням, напряженно размышлял. Для чего начальник отдела внутренних дел приказал ему явиться, да еще с раннего утра? Никаких особых провинностей за собой Пинчук не числил. Есть проблемы со сроками по паре заявлений, но это ерунда – до конца недели разберется. В остальном все хорошо – ну, насколько это может быть у милиционера на хлопотной и невысокой должности. Тогда, спрашивается, зачем?

Так и не придя к какому-либо выводу, Пинчук вошел в приемную начальника отдела и поздоровался с секретаршей.

– У себя? – спросил у немолодой женщины.

– Да, – кивнула секретарша. – Заходите. Родион Степанович велел, чтобы сразу.

Вновь пожав плечами, капитан открыл обитую дерматином дверь и вошел в просторный кабинет.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – выпалил с по-

рога. – Вызывали?

– Проходи, Пинчук! – кивнул начальник, поднимаясь из-за письменного стола, украшенного целой батареей телефонов – обычного, внутренней связи и прямого с УВД. Обогнув его, он вышел к подчиненному и пожал ему руку, чем привел того в недоумение. – Присаживайся, капитан. Разговор есть непростой.

Подполковник устроился за столом совещаний, примыкавшим к начальственному, заняв место как бы равное с капитаном. Тем самым подчеркнул: мы сейчас с тобой – коллеги, которым нужно решить сложную проблему сообща.

– Ознакомься.

Дознаватель взял из рук шефа несколько листков под скрепкой и погрузился в чтение. Спустя несколько минут удивленно глянул начальника.

– Участковый мог представить дело как мелкое хулиганство. Этому Григоровичу выписали бы сутки или даже штраф, смотря какое настроение у судьи.

– Но потерпевший написал в заявлении «прошу возбудить уголовное дело», – кивнул Шимко. – Так заявление и зарегистрировано.

– Григорович... – протянул Пинчук. – Знакомая фамилия.

– Сын секретаря столичного горкома, – подтвердил Шимко. – Мне вчера оттуда позвонили, а потом и сам отец приехал. Спать как раз ложился... – он вздохнул. – С ним от-

правились в отдел, где и отдал ему сына. Заодно второго выпустил, чтобы тот не обижался и болтать не начал. Константин Сергеевич просил меня тихонько все прикрыть. Понимаешь?

– Засада, – догадался капитан. – Для начала участковый пусть перепишет протокол – вот и все дела. Откажу в возбуждении уголовного дела. Спишем на административку.

– Упрямится, – сморщился начальник. – Говорил я с ним. И понять его, конечно, можно: неприятностей боится. Есть свидетели и потерпевший, тот пожаловаться может. Ведь приемник, что ему сломали, стоит 80 рублей. Повторю: меня просили, чтоб без шума. Так что и административки для задержанных нельзя. Потому что судья, выписав штраф, обязан отправить в вуз телегу. Григорович-младший учится в университете.

Из которого его не исключают из-за горкомовского папаша, прикинул капитан. Но телега из суда все равно доставит неприятности. Шимко решил заработать благодарность партийного секретаря, избавив от хлопот вчистую.

– Побывай у этого Коровки, побеседуй с ним душевно, – продолжал подполковник. – Григорович обещал купить ему другой транзистор. Готов хоть импортный «Грундиг» из комиссионного приобрести. Взамен пусть парень напишет заявление, что претензий к фигурантам не имеет – погорячился, мол, и просит их не привлекать.

– А девчонка? – капитан ткнул пальцем в протокол. – Та,

которую ударил Григорович?

– С нею проще, – ответил подполковник. – Выпивала с фигурантами, обжимались, наверное. Пригрозить, что сообщим об этом в ПТУ, и она заткнется.

– Прокурорские не придерутся? – спросил Пинчук. – Когда будут отказной проверять?

– Будь спокоен, – хмыкнул подполковник. – С горкомом воевать не станут.

– Хорошо, – кивнул Пинчук.

– И еще: об этом не болтай, – подполковник помолчал. – Сделаешь, как надо – не забуду. Ты просил, чтоб дали комнату в семейном общежитии? С этим трудно, но тебе пойдем навстречу. Как уладишь дело, можешь заселяться.

– Спасибо! – капитан поднялся.

– Работай! – подполковник размашисто поставил визу на протоколе: «тов. Пинчук, к рассмотрению».

В кабинет, который дознаватель делил с напарником, уехавшим в отпуск, Пинчук только заглянул, чтобы позвонить заявителю. У того имелся телефон, да еще он оказался дома. Обещал дождаться Пинчука. Замечательно! Он напишет под диктовку заявление, а второе капитан возьмет у потерпевшей. Пригрозит, что сообщит о недостойном поведении в училище, и девчонка не откажет. Можно справиться за день. И тогда Пинчук получит то, о чем мечтал – комнату в семейном общежитии. За нее надо платить копейки по сравнению со съемной, где он обретается сейчас. Да и Ленка

плешь проела: хочет завести детей. С этим у него проблема: семьям с маленьким ребенком комнаты в столице не сдают. Никому не нужно, чтоб его будили ночью плачем и чтоб ванную завесили пеленками...

Прижимая к груди дерматиновую папку, куда он спрятал стопочку бумаг по заявлению Коровки, капитан смотрел на проплывавшие за окном трамвая городские виды. Почему начальник доверился ему? Ответ нашелся почти что сразу: большинство офицеров райотдела – минчане. Кто живет с родителями, кто-то – и в своей квартире. А Пинчук перевелся в Минск из области, потому и мыкается по чужим углам. Оставалось получить квартиру в городе, но такое от начальника зависит. Вот проявит себя с лучшей стороны, а потом Шимко поручит что-то вновь. В их службе нередко возникают щекотливые вопросы. Если проблему не задавить на корню, возбуждается уголовное дело. Копия постановления о возбуждении идет прокурору. Расследование ведут следователи. Конечно, и они при необходимости могут черного бычка отмыть добела, но это уже будет их заслуга, не Шимко.

Если капитан решит вопрос, то начальник не обидит. Так пробиться можно высоко. Поддержка из горкома партии значит много. Услугу не забудут. Шимко со временем переведут в городское УВД, и он потащит Пинчука наверх. Или на более теплое место. Например – в дознание ГАИ. Там каждый второй материал щекотливый...

С такими мыслями капитан доехал до конечной остано-

ки. Нужный ему дом оказался почти что рядом. Сверившись с табличкой над подъездом, капитан поднялся на второй этаж и позвонил в дверной звонок...

Спустя час он вышел из квартиры. Хлопнув дверью, Пинчук с трудом сдержался, чтобы в сердцах не послать по матушке Коровку. Или же на скотобойню, но постеснялся старушки, медленно поднимавшейся ему навстречу.

По пути на площадь Якуба Коласа, где располагался РО-ВД, Пинчук лихорадочно просчитывал варианты. Вот упрямый же гаденыш! Из-за него перспектива получения комнаты в семейном общежитии отодвинулась далеко. Или в никогда.

Что же делать? В принципе, есть вариант. Рискованный и сложный. Но чем черт не шутит?

Дальнейшее теперь зависело от решения Шимко. Кровь из носа нужно убедить. Шанс, который вдруг представился, упускать нельзя – вновь такой нескоро подвернется.

Подполковник был занят, пришлось немного подождать в приемной. Когда из кабинета вышли разгоряченные накачкой начальники угрозыска и ОБХСС, Пинчук скользнул в открывшуюся дверь. Шимко курил за письменным столом, пуская дым перед собой.

– Это ты... – сказал, заметив подчиненного. – Чего пришел?

– Есть разговор, товарищ подполковник, – по порученному вами делу.

– Присядь! – начальник указал на стул у приставного столика.

Пинчук последовал приказу. Папку положил перед собой.

– Говори!

– Был у потерпевшего. Заявление писать не хочет – отказался наотрез. Более того, угрожает жалобой в ЦК КПСС. Говорит: найду на вас управу, если вздумаете отмазать негодяев.

– Вот как? – Шимко вмял сигарету в пепельницу. – Что ты предлагаешь, капитан?

– Да закроем подлеца – и все дела.

– По какой статье?

– Той же двести первой, за хулиганку. Я поговорю со студентами. Сидеть они не захотят, поэтому покажут то, что нужно. Шли мирно к остановке, а этот в общественном месте разлегся на покрывале голым, распивал спиртное, ругался матом. Колбаска у него была нарезанной? Значит, ножик тоже был. Музыка у него орала, мешая отдыху советских граждан, проживающих в деревне.

– Общественное место? Там пустырь!

– Тропа есть, люди ходят, – Пинчук нисколько не смутился. – Ребята сделали ему замечание, он в ответ набросился на них с кулаками. Ударил каждого по паре раз. За нож схватился. Студенты в драку не полезли, убежали, а затем явились к нам и написали заявления. Негодяя мы нашли и привлекли к ответственности.

– Считаешь, что получится?

– Что тут сложного? – пожал плечами лейтенант. – Две очных ставки – и на Володарского¹³. Голый в общественном месте – исключительный цинизм. В драку он полез в ответ на попытку граждан пресечь противоправные действия – особая дерзость. Вторая часть. Дела по двести первой расследовать несложно, следователь подмахнет – и в суд. А там злодей пусть говорит, что хочет. Да кто ж ему поверит, когда есть потерпевшие, к тому же не бомжи, а советские студенты? Статья до пяти лет, получит парочку как минимум. И пускай оттуда пишет жалобы. Зэки этим постоянно развлекаются – жизнь на зоне скучная.

– Протокол? – напомнил подполковник.

– Бумаги сделаю новые. Хлопну регистрационный штамп с тем же номером и датой.

– Суд... – задумчиво сказал Шимко. – Григорович попросил без шума.

– Его сын пойдет свидетелем, шума не случится. Более того, его похвалят. Комсомолец проявил принципиальность и пресек противоправные действия. Суд состоится при пустом зале. Коровка – сирота, родственников не имеет. Пришел из армии, на работу не устроился, готовится к поступлению в консерваторию.

– Музыкант?

– Играет на гитаре, – Пинчук махнул рукой. – На стене

¹³ То есть в следственный изолятор.

висела. В колонии ему это пригодится, – он улыбнулся. – Там поощряют самостоятельность.

– Хорошо, – кивнул начальник. – Занимайся.

– Но с одним условием, товарищ подполковник.

– Каким?

– Фигурант живет один в квартире. У него полуторка. У вас ведь есть связи в исполкоме? Как получит срок, пускай Коровку выпишут. Его государство другой жилплощадью обеспечит – на зоне. Я хочу, чтоб квартиру осужденного отдали мне.

– А не жирно будет, капитан? – сморщился Шимко. – Да отдельное жилье ждут лет десять! Ты здесь сколько служишь?

– Что ж... – Пинчук встал и отодвинул папку. – Придется возбуждать уголовное дело в отношении Григоровича.

Это было наглостью, что Пинчук прекрасно понимал. Рисковал, но был уверен, что никто другой в райотделе на такое не подпишется. Одно дело – отмазать от тюрьмы, а другое – сострять обвинение. За такое живенько впаяют треху в плечи как с куста. Ну, а он... Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Квартира того стоит.

– Успокойся, капитан, – сбавил обороты подполковник. – Ты должен понимать: вопрос жилья в отделе очень острый. Дашь тебе квартиру – обидишь очень многих. Станут жалобы писать.

– Так выделение проходит через исполком, – напомнил

Пинчук, примостившись вновь на стуле. – Вы напишете туда письмо, о котором посторонним знать не обязательно. Ходатайство. А коллегам я скажу, что квартиру получил через жену.

– Хм! Пожалуй, можно, – согласился Шимко. – Вот что, позвоню я Григоровичу. Мы послушаем, чего он скажет.

Начальник райотдела снял трубку с аппарата...

Спустя пять минут Пинчук вышел из приемной, счастливо улыбаясь. Получилось! Григорович согласился. Капитан его прекрасно понимал. Никому не хочется, чтобы сын сидел в тюрьме. Исключили бы из комсомола, а затем – и из университета.

Конечно, секретарь горкома проблему бы решил – через прокуратуру или суд. Все же не убийство и не изнасилование. Так – мелкая шалость. Но политическая окраска налицо, и нельзя, чтобы Григорович, занимающий столь ответственную должность в горкоме, был замазан тем, что не уследил за единственным сыном. Партию нельзя компрометировать!

Только в этом случае ни Шимко, ни Пинчук не дождутся благодарности.

Ну, а так обстоятельства складывались лучшим образом. Скоро можно будет подбирать шторы для своей квартиры. Ленка это дело очень любит. Холостяцкая берлога глупого Коровки превратится в их уютное семейное гнездышко.

А ее пока еще хозяин сам же виноват – нужно было под-

писать бумагу. Пусть теперь пеняет на себя...

3

Инспектор Борису не понравился – мутный он какой-то, скользкий. Сначала вел себя прилично: представился, сказав, что хочет разузнать побольше о вчерашнем. Борис позвал его к столу, где оба сели. Борис и рассказал, как было дело. Вопросов капитан не задавал, лишь только слушал. Бориса это удивило: для чего пришел? Опять же показания его не стал записывать. Странно. В прошлой жизни Борису довелось встречаться со следками, и он прекрасно помнил, что вели они себя иначе. Домой к нему ни разу не ходили – еще чего? – а вызывали в РОВД повесткой. А этот почему-то притащился... Вдобавок слушал невнимательно – скользил глазами по сторонам, разглядывая обстановку. Когда Борис умолк, спросил, ткнув пальцем в висящую на гвоздике гитару:

– Играете?

– Занимаюсь, – подтвердил Борис. – В консерваторию надумал поступать. Готовлюсь.

Почему он так сказал, Борис и сам не знал. С консерваторией он сам пока не определился. Но откровенничать с инспектором пропало всякое желание.

– Понятно, – капитан кивнул. – С кем проживаете в квартире?

– Один. Мать умерла два года как.

– И, что, никто здесь больше не прописан?

– Никто, – кивнул Борис. – Были квартиранты, пока я в армии служил, но их отсюда выписал, когда вернулся.

– Это хорошо, – сказал следак и внезапно начал: – Вы написали в заявлении, что просите привлечь тех, кто с вами дрался, к ответственности за хулиганство. Короче, посадить. Вам их не жалко? Парни молодые, ломают им жизнь. Из вуза исключают, из комсомола – тоже.

– Я их не трогал, сидел и слушал радио, – набычился Борис. – А этот вдруг приемник мне размолотил и с кулаками на меня полез. За ним дружок его вдогонку.

– Разбитый приемник вам компенсируют деньгами, – сообщил следак. – Если захотите – купят импортный из комиссии, получше вашей «Спидолы». Согласны?

– «Спидолу» мне друг на день рожденья подарил, – нахмурился Борис. – Служили вместе на границе. Дня не попользовался. Нет, если б этот извинился, попросил прощения... Я человек не злой. Но он же всем хамил в опорном пункте и угрожал, что его папа с нами разберется. Скотина пьяная, мажор советский! Таким полезно посидеть. Я вижу: вы пришли, товарищ капитан, чтобы его отмазать? Предупреждаю, что так дело не оставлю. Пожалуюсь в прокуратуру, а нужно – так в ЦК КПСС!

– Успокойтесь! – капитан натужно улыбнулся. – Пришел к вам, чтобы разобраться в деле. Согласитесь, странно: студенты, комсомольцы, и так себя ведут. Вдруг что-то упустил?

Ведь я обязан провести дознание по делу скрупулезно, все-сторонне. Значит, вы настаиваете на привлечении их к ответственности?

– Да! – кивнул Борис. – И мнения не поменяю.

– Ваше право, – буркнул капитан и встал. – Небольшая просьба, Борис Михайлович. Разрешите осмотреть квартиру? Мне обещали дать полуторку, – добавил торопливо. – Интересуюсь планировкой – как они устроены.

– Пожалуйста, – Борис пожал плечами.

Гость приступил к осмотру. Заглянул за ширму в спальню, затем проверил кухню с санузлом. Задал вопросы о квадратных метрах, тепло ли здесь зимой, спросил и о соседях. Как будто покупать жилье пришел, а не допрос снимать. Даже попросил взглянуть на ордер. Борис показал – не жалко.

– Что ж, понятно, – сказал следак, вернув ему документ. – Значит, так, Борис Михайлович. Как говорил, мне поручили дознание по делу. Я вызову вас повесткой для дачи показаний.

– А их посадят?

– Возможно, – ответил капитан туманно. – Как суд решит.

На том и распрощались. Когда следак ушел, Борис задумался. Станный гость. Нет, рупь за сто, что собирался попросить его подписать бумагу с отказом от претензий к двум студентам. Папаша пьяного мажора надавил. Кто, интересно, он? Какой-нибудь начальничек, конечно. Блин, и здесь такая же фигня, как в прошлой жизни. А в интернете кое-

кто писал, что в СССР все было справедливо. Сюда бы этих умников! Квартиру капитан зачем осматривал? В то, что ему дадут такую, верится с трудом. Для чего тогда? Поразмышляв, Борис обулся, закрыл квартиру и потопал в гастроном. Не за продуктами – поговорить с директором. Она поможет разобраться, что здесь не так.

Алексеевна его выслушала, не перебивая. Затем спросила:

– Как фамилия студента, который угрожал?

– Григорович, – сказал Борис.

– Имя-отчество его запомнил?

– Вадим Константинович.

– Плохо дело, – вздохнула Алексеевна. – Константин Сергеевич Григорович – секретарь Минского горкома партии. Сам понимаешь – человек влиятельный. Сыночка от тюрьмы отмажет непременно, и ты ничего не сделаешь. Начнешь настаивать – посадят самого. Нужно было согласиться с капитаном и подписать отказ. Черт с ним, с приемником!

– Если б дело только в нем, – вздохнул Борис. – Сыночек этот разозлил меня. Все пальцы гнул в опорном пункте: дескать, плясать вас заставлю. Козел безрогий!

– С таким папашей можно пальцы гнуть, – просветила Алексеевна. – Нарвешься ты на неприятности.

– Что делать?

– Позовут к инспектору – подпиши бумагу, которую предложит.

– А не поздно?

– Вряд ли, – директор покачала головой. – Ментам так проще: получили заявление – и закрыли дело. Хотя... Квартиру, говоришь, смотрел?

– Интересовался.

– Возможно, ошибаюсь, – Алексеевна помедлила. – Помнишь, перед твоим уходом в армию мы говорили о квартире? Я тогда сказала: ты ее можешь потерять. Полгода в ней отсутствуешь – и утратил право на жилье. Пусть служба в армии – причина уважительная, но могут шахер-махер сотворить. С жильем в столице очень трудно, и чтобы получить его, на что только не идут! Тогда вопрос решили – ты сдал полуторку субквартирантам. Только вот что... У милиции, насколько знаю, есть негласная договоренность с исполкомом. Если арестованный за преступление живет один в квартире и по суду получит срок, его жилье передают ментам. Понятно?

– Вы полагаете?..

– Не знаю, Боря, – Алексеевна вздохнула вновь. – Верить, что такое может вдруг случиться, не хочу. Другое время, партия репрессии публично осудила. За соблюдением социалистической законности в стране следят. Состряпать дело против невиновного? Героя-пограничника? Да я сама в ЦК пойду! Не побоюсь.

– Не нужно, Валентина Алексеевна, – сказал Борис. – Листок бумаги с ручкою найдутся?

– Держи! – придвинула к нему листок и шариковую ручку.

Он взял и написал на нем пять цифр и имя. Отдал директору.

– Если вдруг меня задержат, позвоните. Мой друг Сергей. Отец его юрист, профессор, заведует кафедрой уголовного права. Скажите, что мне нужен адвокат Коган.

– Слыхала про него, – сказала Алексеевна. – Только он берется не за каждое дело. И дорого возьмет.

– Насчет денег не волнуйтесь – заплачу. Я получил вознаграждение за изобретения. Отцу Сергея Коган не откажет – они давно знакомы.

– Хорошо, – директор спрятала листок. – Как я узнаю, что у тебя возникли неприятности? В милиции не скажут. Кто я для них?

– Инспектор обещал прислать повестку, – сказал Борис. – Как получу, приду сюда, отдам ключи от квартиры. За ними не вернулся – значит, посадили. Тогда звоните другу.

– Ох, Боря! – директор покачала головой. – Ну прямо, как в тридцать седьмом году. Тогда многие держали дома чемоданчики с вещами для тюрьмы, чтобы, когда придут за ними, с собой все было. Сама не видела, конечно, но мне об этом говорили.

– Спасибо, что напомнили, – сказал Борис. – Подготовлю.

– Тьфу на тебя! – воскликнула директор. – Забудь! Не будет этого!

– Вы только другу позвоните, не забудьте, – попросил Борис.

– Не беспокойся, сделаю, – вздохнула Алексеевна...

* * *

Следователь Советского РОВД лейтенант Мурин с недоумением листал папку с уголовным делом. За год работы он уже усвоил, что дела, возбужденные дознанием, расследуются милицией халтурно – лишь бы поскорее спихнуть их следствию. Что, впрочем, и понятно. По статье о злостном хулиганстве, где предусмотрено не такое уж малое наказание – до пяти лет усиленного режима – срок расследования сокращенный. Крутись, как хочешь.

Только, вопреки обыкновению, в этот раз дознаватель Пинчук буквально выпрыгнул из шкуры. Или из кителя. Протокол осмотра места происшествия составлен каллиграфическим почерком, словно школьница писала. Пускай там ничего не найдено, зато бумага есть, подшита, и Мурина не надо самому тащиться в тот Зеленый Луг. Есть протокол допроса подозреваемого – тот все отрицает. Паспорт задержанного изъят и к делу приобщен. Что там с доказательствами... Порядок. Два допроса потерпевших, две свидетельницы. В общих чертах версию подтверждают: нахал загорал нагишом, в ответ за замечание послал двух положительных парней на три веселых буквы. Когда те предложили прекратить нарушать общественный порядок, пустил в ход кулаки.

В реальности, конечно, было все не так: студенты вряд ли

изъяснялись протокольно, но сойдет. Исключительный цинизм и особая дерзость негодяя налицо. Что еще? Не судим, не привлекался, так еще не вечер. На учетах в диспансерах не состоит. Ага! После демобилизации из армии на работу не устроился. По сведениям участкового инспектора, в общественной жизни района участия не принимал. Непонятно, правда, почему участковый не вынес ему предупреждение о недопустимости тунеядства, но не суть. Тип однозначно отрицательный и аморальный. Что ж, можно предъявлять обвинение и нести постановление об аресте для получения санкции у прокурора. А тот вникать не будет – с хулиганами сегодня строго.

Следователь перевернул последние страницы. Надо же! Дознаватель даже очные ставки провел, хотя уголовно-процессуальный кодекс не позволяет ему этим заниматься. Такие первоначальные следственные действия – прерогатива Мурина. Но не вызывать же потерпевших и свидетелей повторно, тем более – тащить в СИЗО на Володарку... Полдня уйдет коту под хвост. Лучше все исправить.

Мурин вынес постановление о принятии уголовного дела к своему производству задним числом, под той же датой составил отдельное поручение дознанию провести очные ставки. Старания трудолюбивого Пинчука обрели видимость законности.

Осталась ерунда. Составить обвинение: такого-то числа в указанном в материалах дела месте Борис Михайлович Ко-

Коровка, находясь в состоянии алкогольного опьянения и в обнаженном виде, оскорблял общественную нравственность с исключительным цинизмом. С особой дерзостью оказал сопротивление представителям общественности Вадиму Константиновичу Григоровичу и Виктору Ивановичу Зенькову, пресекавшим его противоправные действия, чем грубо нарушил общественный порядок и выразил явное неуважение к обществу, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 201 ч. 2 УК БССР. Слова казенные, корявые, но для Коровки грозные – ими говорит Закон большой страны. Вот, все в порядке.

Осталось самому наведаться в ИВС. Дать прочитать Коровке постановление о привлечении его в качестве обвиняемого и, не озаботившись особо словами арестанта, составить краткий протокол допроса. Пинчук предупреждал: фигурант упертый. Вину не признает, утверждает, что это потерпевшие на него напали. Однако сообщить ему, что чистосердечное признание облегчает участь, конечно, стоит. Сейчас – не Сталинские времена, конечно, признание царицей доказательств не является, но, если обвиняемый признал вину, суды на направленные им дела смотрят благосклоннее. Не согласится с ним Коровка – не беда. Мурин объяснит: меру пресечения определяет прокурор, а наказание выносит суд. На том его работа завершится. Другие бы дела вот так же быстро щелкать...

Дверь за спиной закрылась с лязгом, заскрипел замок. Борис шагнул вперед и огляделся. Камера со сводчатым кирпичным потолком, с него свисает на шнуре электрическая лампочка. Горит ярко, но в камере все равно немного сумрачно, особенно у двурусных нар. Сейчас с них на Бориса смотрело множество любопытных глаз. И рожи их хозяев добра не обещали. Как там следователь ему сказал? «Посидишь с блатными в камере, еще не в том признаешься?» Сволочь милицейская... Поперек порога лежало полотенце. А обитатели камеры ждали дальнейших действий новичка.

– Всем привет, – сказал Борис. – Кто тут старший?

– Подойди, – послышалось из угла.

Борис перешагнул полотенце и отправился на голос. Лица обитателей нахмурились. Особенно у седого мужчины с морщинистым лицом. На запястьях его рук – наколки. Знакомые наколки. И лицо его, похожее на печеное яблоко, он тоже видел.

– Дядя Саша?!

– Я тебя знаю? – свел брови к переносице сиделец.

– Ресторан «Журавинка», лето позапрошлого года, – напомнил Борис. – Я с Быком сцепился из-за девушки. Он с пером ко мне полез. Ну, перо я выбил, а его скрутил. Хотел звать милицию, но тут вы подошли и попросили за него. Я

согласился разойтись миром. Вы тогда еще бутылку коньяка на мой столик передали.

– Было такое, – хмыкнул дядя Саша. – Обзовись-ка.

– Борис Коровка.

– По какой статье закрыли?

– Двести первой, часть вторая.

– Ну, пацан ты резкий, – дядя Саша улыбнулся уголками темных губ. – Здесь по первой ходке?

– Да.

– Тогда не понимаю. К нам зачем тебя засунули? Люди здесь серьезные сидят, все на зоне не по разу побывали. И статьи у них другие.

– В несознанку я пошел, – сказал Борис, – вот следак и обозлился. Обещал, что посижу тут с вами – и не в том признаюсь. Мент поганый!

– Беспредельщик, – подтвердил сиделец. – Что там в твоей сумке?

Борис стал выкладывать на шерстяное одеяло принесенное с собой добро. Десять пачек «Примы» – пачки вскрыты и проверены. Следом колбаса в бумаге. На куски порезана небрежно, криво – проверяли при осмотре. Вдруг внутри заточку спрятал? Чай в бумажных пачках, спички и конфеты-леденцы. Шоколадные сидельцам не положены, как и сигареты с фильтром.

– Угощайтесь! – предложил авторитету. – Хлеба только нет.

– Ну, черняшки мы найдем, – хмыкнул дядя Саша. – А за курево благодарю. Наше кончилось вчера, нового пока не передали.

– Забирайте все! – сказал Борис. – Не курю я. Для людей принес.

– Правильный пацан! – одобрил дядя Саша и распорядился: – Щавлик, стол сооруди. Поедим как люди, Боря грева нам принес...

Спустя час Борис лежал на нарах, листая в памяти события последних дней. Две очных ставки, на которых напавшие на него студенты безбожно ввали, а Пинчук их только поощрял. На возражения не обращал внимания и в протокол не внес. Борис не стал его подписывать. Инспектора такое не смутило, он просто сделал в документе нужную отметку. Борис рассчитывал, что следователь разберется, но тот с ним встретился лишь для того, чтобы уточнить детали дела.

– Здесь все неправда, – сказал Борис, горя надеждой. – Студенты на меня напали, а не я – на них. Они же пьяные в дымину были, приемник мне разбили. Поговорите с участковым и с дружинниками, они все видели. Пускай расскажут.

– Показания свидетелей и потерпевших, имеющиеся в деле, свидетельствуют об обратном, – пожал плечами лейтенант.

– Они сфальсифицированы Пинчуком. Он приходил ко мне домой и уговаривал отказаться от претензий к Григоровичу, ведь у того отец – секретарь горкома партии. Я отка-

зался, тогда он и состряпал дело.

– Не клеветайте на сотрудника милиции! – возмутился лейтенант. – За это можно и привлечь. Рекомендую вам признать вину. Суд это примет во внимание.

– И добавит срок, – сказал Борис. – А я сидеть не собираюсь. Тем более что не за что. Я не согласен с обвинением.

– Вы можете об этом написать, – пожал плечами лейтенант и придвинул протокол. – Имеете такое право.

Борис и написал. И то, что дело в отношении него сфальсифицировано, не забыл упомянуть. Лейтенанту это не понравилось – потребовал, чтобы исправил, грозил, что пожалует. Борис уперся – потому, наверное, и оказался в камере с рецидивистами. Сейчас же, вспоминая это, он поражался, с каким спокойствием бездушная милицейская машина крутила жернова. Всем на Коровку было наплевать. Но милиционеры в форме – тоже люди, и под мундирами у них – сердца, а там должно быть сострадание или, на худой конец, хотя бы чувство справедливости. Однако нет... Почему? Ведь в СССР имеются законы, их исполнение навряд ли контролируют. Прокуратура, суд, над ними – партия. Система дала сбой или она так и работает, ломая судьбы своих граждан, когда те вдруг попытаются напомнить ей о справедливости?

Сейчас Борис не удивлялся, что СССР распался. В той жизни многие писали в интернете, и не только в нем, что случился заговор, инспирированный Западом. Его агенты СССР и развалили. Враги добились своего. Но взять хотя бы

те же США. У них что – нет врагов? Ага. Да пиндосов ненавидит вся планета! Когда Нью-Йорке взорвали башни-близнецы, и там погибли тысячи людей, во многих странах ликовали. На улицах плясали... Где только пиндосы не обосрались! Вьетнам, Ирак, Афганистан... Отовсюду убрались во свояси. И что, Америка распалась? Да хоть бы хны! Выходит, что устройство США крепче будет, чем у СССР. Хотя советские газеты убеждают, что нет в мире лучше и справедливее страны, чем Союз республик нерушимый. Здесь все для человека. Ну да, конечно. Один из них сейчас кукует в камере, куда попал по сфальсифицированному обвинению.

Боялся ли Борис? На удивление, не очень. Да, временами страх накатывал. Попасть на зону очень не хотелось. Тогда он вспоминал пророчество монаха. Тот предсказал ему клевету с узилищем, и им реченное сбылось. Но далее монах предрек, что Бориса ожидает искушение мирскою славой. В колонии его не испытать, а это означает, что сидеть не будет. Пускай менты пришили дело, но у него имеются друзья, которые помогут. С этой мыслью он уснул...

* * *

Немолодой мужчина в костюме и рубашке с галстуком переступил порог комнаты, где обитали следователи. Прихрамывая, прошел к середине кабинета. Пока он двигался, Мурин разглядел на пиджаке его медаль и орден. Еще – ортопе-

дический ботинок на одной ноге.

– Матвей Моисеевич Коган, адвокат, – представился вошедший. – Мне нужен следователь Мурин.

– Это я, – встал лейтенант. – Рад видеть вас, Матвей Моисеевич.

– Мы знакомы? – поднял брови адвокат.

– Нет, – лейтенант смутился. – О вас нам на юрфаке говорили.

– Надеюсь, не ругали? – улыбнулся Коган.

– Нет, что вы! – закачал головой следователь. – Хвалили. Лучший адвокат республики. Чем обязан вашему визиту?

– Городской коллегией адвокатов назначен защищать в суде Бориса Михайловича Коровку. Вы вели следствие по его делу?

– Да, – ответил Мурин. – Но, позвольте... Вы знаменитый адвокат, а там простая хулиганка. Дело-то пустяшное.

– Для кого – пустяк, а кому-то – заключение под стражу, – хмыкнул адвокат. – Причем, заметьте, не рецидивисту, а гражданину, прежде не судимому. Которому вдруг оказаться в камере – тяжелое испытание. Могу я встретиться с подследственным?

– Да, конечно, – ответил уязвленный этой отповедью Мурин и достал из сейфа папку. – Дело готово. Можно предъявлять обвиняемому и защитнику. Не хотите прямо здесь ознакомиться?

– Давайте соблюдать формальности. Я изучу дело в при-

сутствии подзащитного в изоляторе. У отдела ждет такси, – ответил Коган. – Предлагаю зря не тратить время...

Дорогой Мурин размышлял. Почему защитником столь незначительной фигуры, как Коровка, был назначен Коган? Тот, чье имя с восхищением и страхом на устах произносит вся милиция республики? Прокуратура, кстати, тоже. Коган не пропустит ни одной ошибки в деле, небрежности или торопливости. Если захочет, сам встретится с фигурантами дела, уточнит, что же они на самом деле хотели рассказать дознавателю. И тогда держись! В суде развалит обвинение на раз.

«Предупрежу Пинчука, – подумал лейтенант. – Пусть знает. Если накосячил с доказательствами, пускай готовится за это получить. И примет меры. Здесь замешан секретарь горкома партии. Пусть звонит судье и прокурору. Потому что, если вдруг Коровку оправдают, Григоровичу несдобровать. Нам на орехи прилетит...»

Такси доставило их на Володарского к Пищаловскому замку. Под лязг электрических замков, постоянно гремящий в гулких коридорах, следователь провел адвоката, предъявившего ордер юрконсультации, на лестницу, ведущую на второй этаж. Поднявшись по ступеням, они вступили в коридор, где по левую сторону имелись следственные кабинеты, а по правую – «пеналы», куда временно засовывают заключенных, пока за ними не придет конвой. Обоих вид не удивил – бывали в этом коридоре не по разу. Лейтенант за-

шел во второй по счету кабинет, следом прохромал защитник. Заказав привести подследственного, Мурин предложил Когану присесть.

Кабинет, как и прочие в этом коридоре, представлял собой комнату со скудной мебелью – грубым столом и прикрученными намертво к полу табуретами. Все покрыто толстым слоем краски, как и стены – голые, без плакатов и портретов. Даже столь любимого милицией изображения Дзержинского не наблюдалось. Вид из единственного зарешеченного окна открывается во двор СИЗО.

Ждать пришлось недолго. Скоро дверь открылась, и в кабинет вступил подследственный. Только здесь он опустил руки, до этого сведенные за спиной.

– Присаживайтесь, гражданин Коровка, – сказал Мурин, указав на табурет напротив их стола, и добавил, когда тот подчинился: – Приступим...

Часом позже с той же папочкой в руках он вышел из СИЗО довольный. Процедура предъявления «двухсотки»¹⁴ прошла без затруднений. Для начала Мурин представил Коровке адвоката и испросил его согласия на назначение Когана защитником. Тот не возражал. После чего папка с уголовным делом перешла в руки адвоката. Тот стал ее листать, периодически спрашивая подзащитного об обстоятельствах

¹⁴ Имеется в виду ст. 200 УПК БССР, предусматривавшая ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела перед направлением дела прокурору и далее в суд – финальная часть предварительного расследования. В современном уголовном процессе РБ и РФ производится по схожим правилам.

случившегося. Тот все отрицал, утверждая: «Меня подставили». Коган что-то помечал в принесенной с собой тетради. Мурин, не теряя времени, вел необходимый протокол. Когда беседа завершилась, Коган его молча подписал и посоветовал сделать то же и Коровке. Тот слегка поупирался, но защитника послушал. После чего Коган попросил следователя оставить их наедине. Лейтенант не возражал. Вложив подписанный сторонами прокол в папку с делом, забрал его и удалился. И вот сейчас, шагая к остановке, думал, что расхваленный Коган не такой уж и страшный. Ходатайств он не заявлял. С подследственным повел себя как обыкновенный адвокат, назначенный по делу в приказном порядке. Затруднений с ним, скорей всего, не будет – особенно, если предпринять намеченные меры. Суд вынесет Коровке приговор, а Мурин после будет всем рассказывать, как расследованное им дело не смог порушить даже сам великий и ужасный Коган...

* * *

– Коровка – на выход! Без вещей, – велел заглянувший в камеру надзиратель.

Борис встал с нар и направился к двери. Надзиратель отвел его в кабинет, где за столом сидели знакомый ему следователь Мурин и немолодой человек в костюме. На пиджаке его виднелись орден и медаль.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, – сказал он, когда его представил Мурин. – Меня назначили вас защищать в суде. Вы согласны?

– Да, – вежливо кивнул Борис, с трудом заставив себя подавить прихлынувшую к горлу радость. Не нужно, чтоб следак ее заметил.

Дальнейшее его немного охладило. Коган задавал ему вопросы спокойно, без эмоций, а, расспросив, без возражений поставил подпись под проколом, подsunутым ему следователем. Когда тот предложил Борису сделать то же, он уперся, но Коган рекомендовал не возражать. С неохотой Борис все же расписался в протоколе. Когда следак ушел, Коган улыбнулся:

– Теперь поговорим, как развалить состряпанную милицией фальшивку. Семейство Щербаченей просило передать вам привет и их уверенность, что скоро встретитесь.

– Спасибо, Матвей Моисеевич! – обрадовался Борис, догадавшись, что адвокат в присутствии Мурина разыгрывал неведомую ему роль. – Благодарю, что согласились стать моим защитником.

– Не стоит благодарности, – улыбнулся Коган. – Давайте для начала подпишем договор об адвокатской помощи. Таков порядок.

Он достал из портфеля и положил на стол несколько листков и авторучку. Не шариковую – перьевую, с золотым пером.

Борис присел и подписал, почти не глядя. Глаз зацепился лишь за сумму в договоре. Копейки...

– Я заплачу вам больше, – сказал, вернув листки и ручку. – Сколько скажете.

– Не нужно, – отказался Коган. – У меня к вам будет просьба. У Щербачени мне сказали, что это вы изобрели протезы из титана с шарниром на ступне. Это правда?

– Я только предложил идею, – Борис пожал плечами. – Протезы сделали другие люди. Но в авторском свидетельстве я значусь.

– Я держал в руках протез сына Павла Леонидовича, – вздохнул защитник, – хочу себе такой. Это сказка! Легкий и красивый, ходить с ним можно не хромяя.

– Как я могу помочь? – спросил Борис.

– Их изготавливают в Комсомольске-на-Амуре. Открыли мастерскую при авиазаводе. Но слух уже прошел – там очередь на годы. Знакомых в Комсомольске-на-Амуре не имею – там никого не защищал. Москва и Минск, Ленинград, Махачкала – везде есть благодарные мне люди. В Комсомольске нет. Я попрошу вас написать на завод ходатайство. Изобретателю, да еще Герою не откажут.

– Конечно, напишу, – Борис пожал плечами. – И без того не отказал бы. Вы ветеран войны.

– Там в очереди тоже ветераны, – сообщил защитник. – Разумеется, я попрошу у вас ходатайство, когда покончим с этим делом, и вы выйдете на свободу.

– У нас получится? – спросил Борис.

– Понимаю, сомневаетесь, – улыбнулся Коган. – Против нас играют большие люди. Фамилии произносить не нужно! – упредил Бориса. – Тем более, в суде. Но у нас есть преимущество. Закон вы не нарушили, а они пытаются. В таких делах опасаются огласки, а мы ее им обеспечим. Да так, что вздрогнут! – Коган сжал кулак. – Ладно, при Сталине беззаконие творили, но чтоб сейчас? Состряпать обвинение на ровном месте? Посадить в тюрьму Героя? Обнаглели. Окоротим. В те непростые времена людей мы тоже защищали – и вполне успешно: им выносили оправдательные приговоры. Сейчас тем более добьемся. Для начала расскажите мне подробно, как было дело...

Коган слушал, помечая что-то у себя в тетради, а когда Борис умолк – спросил:

– Вы о своих наградах милиционерам сообщили?

– Они не спрашивали, – Борис развел руками. Почему сам им не сказал? Менты бы не поверили. В ответ на просьбу привезти удостоверения только похихикали бы. В их глазах он более чем клоп – мелкий и вонючий. Скоты в погонах...

– И не нужно говорить, – сказал защитник. – Пусть будет им сюрпризом. О том, что вы инвалид, следователь в курсе?

– Нет.

– Замечательно! – Коган радостно потер ладони. – Теперь я попрошу вас встать и снять рубашку.

Борис послушался.

– Досталось вам, – вздохнул защитник, разглядев отметины на теле подзащитного. – Война... Одевайтесь. Когда осматривали вас в СИЗО, шрамы в карточку внесли?

– Наверное. Врач вопросы задавал: откуда у меня и где их получил.

– А следствие не озаботилось на карточку взглянуть, – хмыкнул Коган. – Им же хуже. Значит так, Борис Михайлович. Понадобятся ваши документы на награды, еще – об инвалидности, свидетельства на изобретения. Где они?

– В квартире, в шкафу на верхней полке. Ключи у Валентины Алексеевны, она директор гастронома.

– В милиции их нет?

– Не брал с собой, – Борис впервые за беседу улыбнулся. – Подозревал, что могут задержать, и не хотел, чтоб шарили в квартире. Дознаватель, кстати, очень злился, когда ключей при личном обыске не оказалось. Наверное, собирался привести супругу, чтоб показать квартирку, которую намерился отжать.

– Ну, это меньшее из зол, – заметил Коган. – Могли и документы-то прибрать. С них бы случилось.

– Отморозки, – сказал Борис.

– Интересное словечко, – улыбнулся Коган. – Запомню. Но поступили вы предусмотрительно. Валентина Алексеевна даст мне ключи?

– Я напишу записку.

Забрав ее, Коган встал со стула и протянул Борису руку.

Он ее пожал.

– Прощаюсь до суда, – сказал защитник. – Он будет скоро. Свидания мне больше не дадут. Я отыщу свидетелей – настоящих, а не тех, что в деле, и заявлю ходатайство в суде, чтоб их допросили. Потерпите, ждать недолго...

* * *

Выйдя из СИЗО, адвокат подошел к ждавшему его такси. Водителя он попросил подъехать через два часа, и тот послушался: Когана он знал давно и работал с ним охотно – адвокат хорошо платил. Защитник попросил отвезти его улицу Седых, где зашел в гастроном и обратился к продавщице с просьбой отвести его к директору. Представился ей и сообщил:

– Я виделся с Коровкой, только от него.

– Как он? – взволнованно спросила Алексеевна.

– Бодр и крепок духом, – ответил Коган. – Не переживайте – он боец. В войне с китайцами не дрогнул, а здесь – тем более. Мы победим, но если вы поможете.

– Что нужно делать?

– Потребуется коллективное письмо – вернее, телеграмма. К ней больше уважения.

– В Центральный комитет?

– Что вы? – замотал головой Коган. – Спустят на горком, а там... Вы понимаете. В редакцию газеты.

– «Правды»?

– Нет, – ответил Коган. – Партийная газета, и результат случится тот же. В «Известия» отправим. Там журналисты посмелее.

– Они пришлют корреспондента?

– Вполне возможно – случай исключительный. Под судом по сфальсифицированному делу – Герой Советского Союза, защитник острова Даманский. Но если не пришлют, то на контроль поставят и в Минск об этом сообщат. А здесь задумаются. Никому не хочется получить по шапке за неправоудный приговор. Я продиктую текст.

Директор взяла ручку и бумагу.

– Людей подписывать не заставляйте, – заметил адвокат, когда она закончила. – Пусть будет меньше, но чтоб потом не отказались. Ведь будут разбираться. Фамилия и инициалы, подпись. Все это тоже в тексте телеграммы. Недешево вам встанет, но я дам денег.

– Не обижайте! – отказалась Алексеевна. – Чтобы мы Борису пожалели? Его тут любят, им гордятся. Наш грузчик стал Героем! И человек он замечательный.

– Расскажите об этом на суде. Я заявлю вас как свидетеля. Борис ведь рассказал вам о случившемся еще до задержания? О дознавателе, который приходил к нему?

– Расскажу! – подтвердила Алексеевна.

– На заседании суда зал должен быть забит людьми. Сумеете организовать?

– Не сомневайтесь. Выходная смена будет вся.

– Последнее. Мне нужно взять в квартире у Коровки документы для суда, его награды. Вот записка от Бориса.

Алексеевна прочла ее и достала из ящика стола ключи.

– Идемте!..

«...На войне я был трижды ранен, и все три раза смертельно. Уважаемый редактор, сделайте меня инвалидом!...»

Ольга хмыкнула, взяла типографский бланк и стала заполнять его четким девичьим почерком. В исполком города Саранска. Направляем вам для реагирования письмо гражданина... Просим разобраться и о принятых мерах сообщить автору и редакции... Приколол к письму бланк скрепкой, она отложила его в сторону. Заведующая отделом завизирует ответ, письмо вложат в фирменный конверт «Известий» и отдадут в отправку. К концу дня таких конвертов по отделу наберется сотни. Пишут граждане в редакцию, просят разобраться и помочь. Газете доверяют больше, чем своим властям. Ни одно обращение в СССР не должно остаться без внимания, потому «Известия» содержит многочисленный штат отдела писем. В нем проходит практику Ольга Ковалева, студентка факультета журналистики. Да, работа ей досталась нудная, тоскливая, но зато – в «Известиях», а не где-нибудь в Саранске в городской газетке. Хотя там, возможно, было б интереснее. Ей бы поручили написать заметку, зарисовку, может быть – и очерк. В «Известиях» такого не дождешься. Журналисты здесь один другого знаменитее.

Взять того же Аграновского.¹⁵ Публицист, писатель и художник – глыба, а не человек. Кто рядом с ним Ольга Ковалева? Пусть и перешла на пятый курс журфака МГУ, но всего лишь практикантка. Разобраться с почтой, подготовить на ее основе небольшой разбор для предпоследней полосы – вот и все, что ей доверили. А ведь хочется другого. Написать статью, которая заставит всколыхнуться общество, вызовет поток звонков, писем от читателей, сделает ее известной. Той, чье имя на слуху у всех...

Повздыхав немного, Ольга собралась и взяла новое письмо. «Уважаемая редакция! Я прошу заделать половую щель у моей соседки. А не то, когда у нее течет, у меня – капает...»

Ольга фыркнула и засмеялась. Улыбаясь, взяла бланк и заполнила его каллиграфическим почерком. Пусть там с этой щелью разберутся... Вновь хихикнув, протянула руку за другим письмом.

Это оказалась телеграмма – длинная, на нескольких бланках, схваченных железной скрепкой. «УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ ВСК ПО НАДУМАННОМУ ОБВИНЕНИЮ В МИНСКЕ АРЕСТОВАН ЗПТ ПРИВЛЕКАЕТСЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗПТ КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА БОРИС МИХАЙЛОВИЧ КОРОВКА ТЧК БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ОТ-

¹⁵ А.А. Аграновский – популярный советский журналист, очерки которого в СССР зачитывали до дыр. Старший брат не менее знаменитого В.А. Аграновского, работавшего в газете «Комсомольская правда».

ЛИЧИЛСЯ В СОБЫТИЯХ НА ОСТРОВЕ ДАМАНСКОМ
ЗПТ ГДЕ БЫЛ ТЯЖЕЛО РАНЕН И ПРИЗНАН ИНВА-
ЛИДОМ ТЧК ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ЗПТ СЛЕДСТВИЕМ СО-
ВЕТСКОГО РОВД МИНСКА ОН ЗАКЛЮЧЕН ПОД СТРА-
ЖУ И ПОМЕЩЕН В КАМЕРУ К РЕЦИДИВИСТАМ ТИ-
РЕ УГОЛОВНИКАМ ТЧК В ОТНОШЕНИИ КОРОВКИ
ТВОРИТСЯ НАСТОЯЩИЙ ПРОИЗВОЛ ТЧК КОЛЛЕК-
ТИВ ГАСТРОНОМА НОМЕР... МИНСКА ЗПТ ГДЕ БО-
РИС МИХАЙЛОВИЧ ТРУДИЛСЯ ДО ПРИЗЫВА В АР-
МИЮ ЗПТ ВОЗМУЩЕН ПРОИСХОДЯЩИМ ТЧК ПРО-
СИМ ВАС ВМЕШАТЬСЯ И ПРИСЛАТЬ КОРРЕСПОН-
ДЕНТА ТЧК АДРЕС... ТЕЛЕФОН ДЛЯ СВЯЗИ В МИН-
СКЕ... ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЧК»

Далее шли подписи, Ольга насчитала их почти три десятка. Несколько мгновений она смотрела на разложенные перед нею бланки, а затем схватила трубку телефона. Набрала на диске «07».

– Станция, вас слушаю, – раздалось в трубке.

– Герань, двести двадцать два, – назвала Ольга код редакции. По нему редакции предоставляют связь с другими городами СССР. Прочим гражданам нужно покупать талон на почте или же звонить в кредит с его последующим погашением. – Город Минск, номер телефона...

– Ждите... – в трубке раздались гудки.

В ожидании соединения Ольга вновь прочла текст попавшей к ней на стол необычной телеграммы. Удивительно, что

ее не выделили сразу и не отнесли к заведующей отделом писем – наверное, в почте затерялась. Если сведения в тексте достоверны... Она едва не задохнулась от нахлынувших чувств. Это шанс для журналиста – редкий и заманчивой. Тот же Аграновский ухватился бы за него двумя руками. Только Ольга не отдаст. Разумеется, какой-то там студентке не доверят ехать в Минск разбираться в этом сложном деле. Только Ольга не простая практикантка. У нее отец – зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Под его началом – сектора печати, телевидения и радио, издательств и торговли книгами. Именно они подбирают кандидатов в главные редакторы и других начальников, контролируют их деятельность. В редакциях об этом знают, потому имя Ковалева произносят с придыханием. Сам в прошлом журналист, Нил Семенович прекрасно разбирается в редакционной кухне. Ему пойдут навстречу. Один его звонок – и Ольга проходит в практику в авторитетнейшей газете СССР. Другой – и ей поручат ехать в Минск. Дадут ей статус специального корреспондента...

Трель телефонного звонка вернула Ольгу из мира грез. Она схватила трубку.

– Заказывали Минск? Соединяю...

Спустя несколько гудков в трубке раздался женский голос:

– Гастроном. Слушаю.

– Валентина Алексеевна? – спросила Ольга. Дождавшись подтверждения, заговорила: – Здравствуйте. Редакция «Из-

вестий». Меня зовут Ольга Ковалева. Получили вашу телеграмму. Я хочу спросить: подтверждаете изложенные в ней факты?

– Да, конечно, – оживилась собеседница. – Спасибо за звонок. Мы на вас надеялись. Приезжайте, разберитесь, очень вас прошу. То, что здесь творит милиция, не назвать приличными словами. Негодяи и подонки!

– За Коровкой точно нет вины?

– Ручаюсь! – подтвердила Алексеевна. – То, что он подрался с хулиганами, мне Борис сказал еще до того, как его арестовали. Никого не трогал, сидел, слушал музыку на пустыре. А эти налетели, радиоприемник разломали, попытались его бить. Есть несколько свидетелей, которые все это видели. Участковый даже протокол на алкоголиков составил. Но в Советском РОВД все переиграли – хулиганом сделали Бориса. Потому, что один из напавших на него – сын секретаря Минского горкома партии... А Борис – сирота, живет в квартире один, милиция хочет ее для своих забрать. У кого – у инвалида!

Они еще поговорили. Минут Ольга не сэкономила – редакция заплатит. «Известия» – богатая газета, и денег у нее много.

– Хорошо, – сказала, наконец. – Я обязательно приеду.

– Поспешите! – попросила собеседница. – Заседание суда тридцатого июля – три дня осталось, считая и сегодняшней.

– Постараюсь, – сообщила Ольга. – Перед отъездом по-

звоню. До встречи!

Покончив с разговором, она направилась в редакционную библиотеку. Там взяла номера «Ведомостей Верховного Совета СССР», начиная с третьего. Пролистав их, обнаружила указ, датированный 21-м марта. Борис Михайлович Коровка в нем значился. Герой Советского Союза... «Бинго!» – как воскликнул бы американец, но Ольга такого выражения не знала, потому лишь хмыкнула. Телеграмму она бессовестно стащила, сунув ее в сумочку, и увезла домой.

Нил Семенович возвратился со Старой Площади, как обычно, поздно – Ольга еле дождалась. Подождав, пока отец покончит с ужином, заглянула в кабинет.

– А, студентка-практикантка, – улыбнулся Нил Семенович. – Как успехи на работе?

– Вот! – Ольга положила перед ним на стол стащенную телеграмму.

Нил Семенович ее внимательно прочел, перевел взгляд на дочку.

– Факты достоверные?

– Я звонила этой женщине, – сказала Ольга. – Мы о многом с ней поговорили. Не похоже, чтобы врала. Вся причина в хулигане, напавшем на Коровку. Он сын секретаря горкома партии. Потому Герой Советского Союза, награжденный за Даманский – это, кстати, я проверила, – превратился в обвиняемого.

– Да они там, в Минске, охренели! – возмутился Нил Се-

менович. – Ладно бы, отмазали сыночка от тюрьмы – это сплошь и рядом. Но шить дело невинному, да еще Герою? Предлагаешь мне вмешаться?

– Нет, – сказала Ольга. – Я хочу поехать в Минск как спецкор «Известий».

– А сумеешь разобраться? – поднял бровь отец. – Дело непростое. Аграновскому под силу, но тебе – не знаю.

– Справлюсь, – поспешила дочка. – Скажешь, будут мне мешать? Я приеду в Минск инкогнито и соберу материалы до суда.

– Не получится, – покачал головой отец. – Чуть заселишься в гостиницу, мгновенно разузнают. Ты предъявишь там командировочное удостоверение – без него ведь номер не дадут. А администратор тут же позвонит начальству. Не успеешь вещи разложить, как оно примчится. Как же, прибыл в Минск спецкор «Известий»! Станут спрашивать тебя: зачем приехала, а потом потащат в ресторан, попытаются спойть. Знаю.

– Жить в гостинице не собираюсь, – сообщила Ольга. – Валентина Алексеевна предложила мне отдельную квартиру. В ней Коровка жил перед тем, как его арестовали. Говорит, что он будет только рад. Обещала, что накормит и напоит, лишь бы в деле помогла.

– За других бы так же заступались! – покрутил головой отец. – Да, похоже, что Коровка этот – человек хороший. Перед армией у них трудился, а они и спустя два года не забыли,

на защиту поднялись. Ладно. С Толкуновым¹⁶ я поговорю.
– Папка! – Ольга бросилась ему на шею...

Когда дочка убежала, Нил Семенович проводил ее довольным взглядом. Ольга вся в него! Острый нюх на сенсационный материал, смелость и решительность. Не боится трудной темы и начальников, которые ей могут помешать. Он когда-то тоже был таким. В областной газете смело раскрывал в статьях факты нерадивости и головотяпства. Было много недовольных, в том числе партийное начальство, только Ковалева это не смутило. И его заметили, для начала пригласив работать в «Правду». За пять лет он сделал там блестящую карьеру, заняв должность заместителя главного редактора. Но пробыл на ней совсем недолго – пригласили в аппарат ЦК КПСС, сходу предложив стать заместителем заведующего отделом пропаганды. Время было на дворе такое – первый секретарь ЦК¹⁷ энергично вычищал сталинские кадры, ставя на их место молодых. Вот и Ольга может повторить его судьбу. Хотя супруга будет недовольна: хочет видеть дочку женою дипломата. Жениха ей отыскала – молодого, перспективного, сына заместителя министра иностранных дел. Нил Семенович не слишком возражал – если Ольга хочет замуж за Геннадия, значит, так тому и быть. Парень только что

¹⁶ Лев Николаевич Толкунов возглавлял в то время редакцию «Известий».

¹⁷ Н.С. Хрущев. Он действительно проводил такую кадровую политику. Для примера. Главным редактором главной партийной газеты БССР «Советская Белоруссия» в 60-е стал А.К. Зинин, которому на момент назначения на эту должность было 28 лет. Редактором, к слову, он был замечательным.

МГИМО закончил, в МИД распределили, ожидает назначения в посольство за границей. Только холостому путь туда заказан, вот и суетился вокруг Ольги. Дело продвигалось к свадьбе, но внезапно между молодыми будто кошка пробежала – встречи прекратились. На вопросы Ковалева и его супруги Ольга зло ответила, что Геннадия не хочет больше знать. Мать пытается их помирить – ей Геннадий очень нравится, да и партия блестящая, – только у нее пока не получается.

«Будь, что будет, – заключил в итоге Нил Сергеевич. – Помирится Ольга с женихом – попляшу на свадьбе молодых. Нет – пусть делает карьеру в журналистике. Если справится с заданием – прогремит на весь Союз. Тема-то какая благодатная! Аграновский желчью изойдет, что досталась не ему. Ничего, он и без того большая знаменитость. Нужно двигать молодых. Ну, а Ольгу я немного подстрахую – неизвестно, что там будет в Минске. Девочка совсем неопытная...»

* * *

В аэропорт Ольгу отвезла редакционная «Волга». Подхватив свой чемодан, она поспешила к зданию аэровокзала – время поджимало. Нужно выкупить билет, забронированный редакцией, регистрация, посадка... Не хотелось опоздать. Этого, однако, не случилось: скоро Ан-24 с собкором на борту разогнался по бетонной полосе и поднялся в воздух.

По пути к столице Белоруссии Ольга вспоминала прошедшие события. Для начала у нее случилась беседа с Толкуновым. Главный пригласил ее к себе с утра. Прочитал пришедшую в редакцию телеграмму, расспросил, как будет действовать, на прощанье пожелал удачи. Ольге скоренько оформили удостоверение спецкора, а еще – командировку. Выплатили деньги на расходы. Не сказать, чтоб Ольга в них нуждалась – папа дочку не обидел, но сказали, что так положено. С этим провозились до полудня, потому в аэропорт пришлось спешить...

В Минске ее встретили. Из редакции Ольга позвонила Валентине Алексеевне, сообщила номер рейса и время прибытия. Поэтому, войдя в аэровокзал, быстро разглядела среди толпы встречающих женщину в белой блузке и джинсовом, на пуговицах, сарафане. Свой наряд ей Валентина Алексеевна подробно описала. Рядом с ней стоял немолодой мужчина в костюме и сорочке с галстуком. Подойдя ближе, Ольга разглядела на его пиджаке орден и медаль.

– Здравствуйте, – сказала, ставя чемодан на пол. – Валентина Алексеевна? Я Ольга Ковалева из «Известий».

– Здравствуйте, – заулыбалась директор гастронома. – Спасибо, что приехали.

– Приветствуем вас в столице Белоруссии, – поддержал немолодой мужчина. – Разрешите, я представлюсь. Коган Матвей Моисеевич, адвокат. Буду защищать Бориса Михайловича в суде.

– Рада познакомиться, – Ольга протянула ему руку. Коган ее с почтением пожал. – Идемте! – подхватил он чемодан спецора. – Нас ждет такси.

По пути, будто сговорившись, дела не касались: болтали о погоде и архитектуре Минска. В столице Белоруссии Ольга прежде не бывала, поэтому разглядывала с интересом помпезные дома вдоль проспекта Ленина, аллеи лип на тротуарах, парки, скверы... Центр Минска походил немного на Москву, но еще более – на Ленинград.

– Оттуда архитекторы после войны приехали, – подтвердил ее догадку Коган. – Минск лежал в руинах – его, считайте, строили с нуля. Отлично помню эти времена. После трудового дня люди выходили разбирать развалины, всем нам доводили строгие задания: где сколько кирпичей собрать. Из них и возводили новые дома. Они ведь потому под штукатуркой, что выглядели неприглядно: кирпич-то разномастный. Где-то старый, а где и новый уложили. А чтобы был однотонный, как до революции, так таких домов, считайте, нет почти.

Такси отвезло их на улицу Седых. Там они зашли в подъезд, поднялись на второй этаж. В квартире Валентина Алексеевна ушла на кухню ставить чайник и резать бутерброды, а Ольге Коган предложил присесть за стол в просторном зале.

– Извините, Ольга Ниловна, – начал разговор. – У меня такой вопрос. Ковалев Нил Семенович, зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС – ваш отец?

– Как узнали? – удивилась Ольга.

– Догадался, – довольно улыбнулся адвокат. – Просто сопоставил факты. Валентина Алексеевна сказала: к нам придет журналист «Известий», молодая женщина, Ковалевой Ольгой Ниловной зовут. Тут я и задумался: тема непростая, почему же ей доверили? С журналистами дружу и неплохо разбираюсь в вашей кухне. Знаю, о делах судебных пишут люди с опытом, а они, как правило, мужчины. Позвонил знакомому из БелТА.¹⁸ Уникальнейший специалист! В официальных сообщениях чрезвычайно важно перечислить руководство в правильном порядке – кто за кем идет. Например, секретарей в ЦК довольно много, и вот кто из них главнее, не считая первого, конечно? Тут непросто, ошибешься – и получишь неприятности. Мой знакомый их и расставляет – для того и держат. Всех руководителей знает и еще ни разу не ошибся. Он мне и сказал: в ЦК КПСС работает Нил Семенович Ковалев, он курирует дела печати. И вполне возможно, что его дочь трудится в «Известиях».

– Я на практике, – призналась Ольга. – Студентка, пятый курс журфака. Но вы правы: если б не отец, то меня сюда не прислали бы. Наверное, это плохо?

– Что вы! – покачал Коган головой. – Это просто замечательно. Вот теперь я полностью уверен в исходе дела.

– Почему?

¹⁸ БелТА – Белорусское телеграфное агентство. Во времена СССР и в настоящее время – ведущий информационный ресурс Беларуси.

– Суд подумает, что дело на контроле у ЦК КПСС, и не решится вынести неправосудный приговор.

– Как они узнают, чья я дочь?

– Найдутся люди, просветят, – уклончиво ответил адвокат. – У меня к вам просьба, Ольга Ниловна. У вас ведь есть блокнот?

– Конечно, – удивилась Ольга. – Даже не один.

– Завтра суд. Мы туда поедem вместе. Я попрошу вас занять стул на первом же ряду. Сесть там и на виду у суда записывать происходящее в блокнот. Судья заметит, непременно спросит: кто вы, почему ведете запись. Вы ему представитесь, покажете удостоверение спецкора... – Коган улыбнулся. – Вот и все. Сделаете?

– Да, – кивнула Ольга.

– Спасибо, – Коган поклонился. – Буду вам обязан. Вы замечательная девушка! Красавица и умница.

Ольга засмушалась. Тут, к счастью, появилась Валентина Алексеевна с подносом. Поставила на стол три чашки, сахарницу, чайник и тарелку с бутербродами. Все трое принялись чаевничать. Бутерброды оказались вкусными: с икрой, колбаской, сыром, ветчиной. Ольга ела с удовольствием. Не отставал и Коган – все больше налегал на те, которые с икрой. Перекусив, он встал и распрощался, сославшись на дела.

– Валентина Алексеевна, – попросила Ольга, – расскажите о Борисе. Мне нужно для статьи.

– Давайте так, – сказала ей директор. – У меня дела, я от-

лучусь, но вечером приду – и не одна, с сотрудницами. Вот вместе и расскажем. Вы пока располагайтесь, разложите вещи. Примите душ, горячую воду недавно дали. В шкафу лежат альбомы с рисунками Бориса. Полистайте их. Он у нас талант, в Суриковский институт зачислен без экзаменов. Захотите есть – так холодильник полон. Не скучайте, буду скоро.

Она собрала со стола посуду, помыла и ушла. Ольга притащила чемодан, достала вещи, сложила и развесила в шкафу – места там хватало. Кое-что пришлось отгладить: благо, электрический утюг и принадлежности к нему нашлись. Разобравшись с этим, Ольга сняла сарафан и с халатиком в руках посетила ванную. Поплескалась в душе, смыв с себя дорожный пот. Ванная в квартире оказалась чистой, мыло и шампунь – на полочке. Бедненько, но аккуратно, как и во всей квартире. Будущий герой статьи убирает здесь сам? Женского присутствия в квартире не ощущалось. Нет вещей, косметики и прочего. А на окнах – простенькие занавески, женщина повесила бы шторы. Странно. Парень-то с квартирой, такие быстро обзаводятся подругами.

Воротившись в комнату, Ольга извлекла из шкафа толстые альбомы, разложив их на столе, принялась листать. Очень скоро увлеклась. Рисовал Коровка замечательно. Люди на его портретах выглядели как живые. Улыбались, чуточку грустили, некоторые смотрели вдаль задумчиво. Их характеры читались влет. Были жанровые сценки из армей-

ской жизни, в большинстве своем смешные. Обнаружился автопортрет. То, что это сам Коровка, Ольга догадалась по наградам на пиджаке героя. Борис изобразил себя сидящим за столом, перед ним стояли две раскрытые коробочки и лежала грамота. Взгляд задумчивый и грустный. Он как будто вспоминал тот бой, за который был удостоен звания Героя, и то, чего он ему стоил.

«Удивительно красивый парень, – промелькнула мысль у Ольги. – Он такой на самом деле или же себе польстил?» Среди вытащенных ей альбомов один был с фотографиями, Ольга принялась его листать. На снимках большей частью наблюдались женщина и мальчик. Вот он кроха, вот уже подрос, вот стоит почти что вровень с матерью. Черты лица как на портрете, но немного странные – в них как будто не отражался разум. Нашлись в альбоме и фотографии с границы. Вот на них Борис похож на свой портрет, хотя, конечно, на листе альбома он красивее. Подумав, Ольга разыскала ножницы и вырезала ими из альбома автопортрет Бориса. Сунула его в свой чемодан. Замечательная выйдет иллюстрация к ее статье! Себе Коровка новый нарисует...

В дверь позвонили. «Валентина Алексеевна пришла», – решила Ольга и направилась в прихожую. Однако на площадке оказался незнакомый парень – высокий, симпатичный.

– Вы Ольга Ковалева, спецкор «Известий»? – спросил, когда она открыла.

– Да, – подтвердила Ольга. – А вы кто?

– Друг Бориса, на одной заставе с ним служили. И воевали вместе. Меня зовут Сергей. Нам позвонила Валентина Алексеевна и сказала, что вы приехали. Хотел бы рассказать вам о Борисе.

– Заходите! – предложила Ольга...

С Сергеем засиделись. Он говорил, она писала. Затем явилась Валентина Алексеевна и привела с собой сотрудниц. Снова говорили. Блокнот у Ольги скоро кончился, она взяла второй. За окном сгущались сумерки, когда все разошлись, оставив Ольгу в одиночестве. Она прибрала со стола – чай пили постоянно, – посетила ванную и, расстелив постель, устало растянулась на диване. День выдался на редкость суматошный, но очень плодотворный. Материала ей наговорили на пять статей. Не страшно – лишнее отбросит.

«Неужели этот парень впрямь такой хороший? – размышляла Ольга, смежив веки. – Нет, понятно, почему его Сергей так хвалит. Служили вместе, да еще Борис его от смерти спас. Но работники торговли... Телеграмму-то они прислали. И ведь сообщают факты. Был комсоргом на заставе, командиром отделения. На Даманском бился храбро и умело. Спас раненого офицера и бойцов, сам был ранен. Он не пьет, не курит, до призыва добросовестно трудился в гастрономе. А еще талантливый художник, сочиняет песни, сам играет и поет. Не могу поверить. И такого захотели посадить... Повезло, что ко мне попала эта телеграмма! Ну, держись, това-

рищ Аграновский! Обзавидуешься!

С этой мыслью и уснула...

* * *

Настроение у Савчука было хуже некуда. В судебном заседании предстояло рассмотреть дело, которое ему не нравилось. Нет, на первый взгляд повода придраться не имелось. Для типичной хулиганки расследование проведено добросовестно и полно. Показания свидетелей и потерпевших, протоколы очных ставок и осмотра места происшествия... Обвиняемый не согласился с доказательствами и представил свою версию события? Что ж, бывает. В заседании ее придется огласить? Ерунда. Савчука тревожило совсем другое. Первое – защитник обвиняемого Коган. Чтобы знаменитый адвокат согласился защищать простого хулигана? Что-то не вязалось. И в распорядительном заседании Коган вел себя довольно странно: никому не возражал и не заявлял ходатайств. А ведь мог бы, если б что-то знал, ходатайствовать о дополнительном расследовании. В его практике хватало дел, прекращенных на этой стадии. И Савчук ему вряд ли отказал бы: иметь дело с Коганом ни один судья в республике добровольно не захочет. Только Коган промолчал. Это означало, что он намерен развалить дело в судебном заседании, где добиться оправдательного приговора.

Ну, и хрен бы с ним – Савчуку плевать на милицейских

следователей, недовольство их начальников. Только председатель, поручая ему это дело, строго-настрого предупредил:

– Этого Коровку нужно посадить – года на два минимум.

– Почему? – спросил Савчук.

– Мне звонили из горкома. Там один из потерпевших – сын секретаря Григоровича. Понял?

– Да, – сказал Савчук, забирая тоненькую папку.

Он подобных «указивок» не любил – впрочем, как и другие судьи. Нет, конечно, мог не согласиться. Но тогда с работой нужно попрощаться: на новый срок не изберут, даже выдвигать не станут.¹⁹ Это в лучшем случае. При особом отношении отстранят от дел еще и раньше. И куда потом ему идти? В адвокаты? Там коллегия решает, принять или нет, ну а председателю, конечно, позвонят... Повезет – устроишься юрисконсультom на заводе, станешь там листать бумажки, получая скромную зарплату. Только если вдруг в горкоме на него обидятся всерьез, то и должность юрисконсульта бывшему судье не светит. Слесарь или токарь. Но когда тебе за 40, поменять профессию совсем не тянет.

Наверное, чтобы он не передумал, заседателей по делу подобрали соответствующих: Тимофея Карповича с Таисией Григорьевной. Два пенсионера. Первый – старый большевик, начетчик, сталинист, хулиганов люто ненавидит, постоянно

¹⁹ Судьи основного звена советской судебной системы – районного (городского) народного суда – избирались населением. Но формально. Фактически же судей назначали. Народных заседателей избирали на собраниях трудовых коллективов и ветеранских организаций. Среди них было много пенсионеров.

требуя для них лишения свободы. И Таисия Григорьевна, в прошлом школьная учительница, постоянно ему вторит. Наверное, натерпелась от своих учеников. С ними, если и захочешь, никого не оправдаешь. Скажут: «Посадить!» – и выполняй.²⁰ Надо же было этому Коровке повстречаться с сыном Григоровича...

Мрачные мысли Савчука прервала заглянувшая в кабинет секретарь.

– Станислав Адамович! – выпалила с порога. – Там, там...

– Что? – насторожился судья.

– Полный зал народу, – наконец, собралась секретарь. – Мест всем не хватило, многие стоят в проходе.

«Это с чего вдруг? – впал Савчук в недоумение. – Подсудимый – сирота, близкий родственников не имеет. После армии не работал. Не должно быть у него много знакомых, да еще решивших поддержать его в суде. Странно, очень странно...»

– Пусть стоят, – сказал секретарю. – Если им так хочется. Отправляйся в зал, мы скоро начинаем.

Бросив взгляд на часы, он набрал на телефоне номер дежурного Советского РОВД.

²⁰ Приговор в советском районном (городском) суде выносился большинством голосов трех судей, участвующих в процессе: председателя – профессионального судьи – и двух народных заседателей. Права у всех были одинаковыми, так что, если заседатели настоят на своем мнении, судье придется выполнить их волю. Хотя ситуация, прямо скажем, редкая. Не случайно ээки называли заседателей «кивалами» – от слова «кивать», соглашаться.

– Из районного суда вас беспокоят, – сообщил поднявшему трубку офицеру. – Я судья, Савчук Станислав Адамович. Через пять минут начнется заседание, а у нас набился полный зал желающих его послушать. Многие толпятся в коридоре. Попросил бы вас прислать наряд – присмотреть, чтоб не случилось беспорядков. Вышлете? Спасибо!

Положив обратно трубку, он взглянул на заседателей, примостившихся на стульях у стены.

– Что ж, товарищи, пора нам начинать...

5

Появление в деле Когана встревожило Пинчука. Хотя Мурин уверял, что адвокат ведет себя индифферентно, следствию препятствий не чинит, капитан с ним не согласился. Этот хитрый сионист²¹ обманул неопытного следователя, не раскрыв перед лейтенантом заготовленные им козыри, на суде же он их выложит непременно. И тогда... Капитан не сомневался: в суд и прокуратуру позвонили из горкома партии, дав им нужное «цэу»²², только Коган – битый волк и прекрасно это знает. И, раз взялся защищать Коровку, значит, козырь держит в рукаве. Репутация у адвоката соответствующая: если дело и не развалит, то наказания для подсудимого добьется минимального. Капитану как-то рассказали: раз в Москве судили расхитителя. Там размер украденного был таков, что виновному грозило лет 15 с конфискацией имущества. Родственники подсудимого обошли московских знаменитых адвокатов. Те просили 10 тысяч за защиту, гарантируя виновному 10 лет колонии – с конфискацией, естественно. Родственников это не устроило, кто-то посоветовал им Когана. Тот за дело взялся, запросив за помощь полторы ты-

²¹ В СССР того времени яростно обличали «реакционную и агрессивную политику сионистского государства Израиль», соответственно поощряя предрассудок, что все евреи – сионисты.

²² «цэу» (ЦУ) – ценное указание.

сячи рублей и командировочные. В результате расхититель получил два года общего режима и без конфискации. Если для Коровки адвокат добьется условного наказания, это, может быть, устроит Григоровича, но никак не Пинчука. Все его старания пойдут насмарку, ведь квартира остается фигуранту. Потому Пинчук решил прийти на заседание суда, чтобы вовремя вмешаться, если вдруг потребуется. Например, дать «цэу» свидетелям. Их ведь выставят из зала заседаний, будут вызывать туда по очереди. Если первый – вернее, первая – «поплывет», Пинчук тихонько выйдет в коридор, где и побеседует с другой.

С капитаном увязался Мурин. Лейтенанту захотелось посмотреть, как расхваленный и грозный Коган облажается в представленном им деле. Оба отпросились у начальника отдела (тот не возражал) и отправились на улицу Якуба Коласа. Там в желтом двухэтажном здании располагался суд Советского района.

Первой неприятной неожиданностью для Пинчука стало многолюдье в коридоре перед входом в нужный зал. Поначалу он решил, что перепутал: суд по делу хулигана состоится, может быть, не здесь, только лист бумаги с текстом, прикрепленный кнопками к двери, убедил его в обратном. Объявление гласило: в этом зале суд рассмотрит дело фигуранта. Но тогда откуда люди, ведь Коровка – сирота? Кто, зачем привел сюда толпу? Коган? Очень может быть. Настроение у Пинчука, без того не радужное, покатилося вниз. Что заду-

мал хитрый сионист?

Мурин тоже удивился, но переживать не стал. Больше зрителей – больше свидетелей позора адвоката.

– Надо бы места скорей занять, – предложил инспектору. – Вон народу сколько набежало! Могут не достаться.

Капитан с ним согласился. Офицеры просочились в зал, где и сели недалеко от входа. Если нужно будет выйти незаметно, то отсюда – в самый раз. Вслед за ними в зал потекла другая публика. Скоро все сидячие места закончились, только те, кому их не хватило, не ушли, встав в проходе или возле стен. Капитана это снова удивило. Странно. Суд затянется на день – вряд ли меньше, и зрители готовы столько простоять? Кто для них Коровка?

А тем временем заседание двигалось к началу. Заняли свои места прокурор и адвокат, секретарь суда разложила на столе бумаги, приготовившись вести протокол. Через боковую дверь конвой доставил подсудимого. Подведя Коровку к предназначенной ему скамье,²³ милиционер снял с него наручники, жестом приказав ее занять. Подсудимый подчинился, перед этим бросив взгляд в зал и помахав публике рукой. Этот жест собравшиеся встретили одобрительным гулом. Подсудимый был одет в рубашку с длинным рукавом, брюки, туфли. Все отглажено, начищено – не похоже, что провел недели в камере СИЗО. Адвокат, конечно, постарал-

²³ В то время подсудимых еще не засовывали в стальные клетки, они сидели на скамье под надзором конвоя.

ся: заявил ходатайство суду, ну а тот не отказал, разрешив вещевую передачу.

– Встать, суд идет! – объявила секретарь.

Зрители поднялись. В зал вошли судья и заседатели. Подойдя к своим местам, заседатели устроились на стульях, председатель предложил присесть и публике. Дальше началась обычная рутина: объявление рассматриваемого дела, представление суда. Секретарь доложила о явке в суд защитника и прокурора, подсудимого, свидетелей и потерпевших.

– Свидетелей прошу из зала удалиться, – объявил судья. – Ожидайте в коридоре вызова на заседание.

Подождав, пока те выйдут, он продолжил:

– Подсудимый, встаньте! Ваше имя, отчество, фамилия?..

Покончив с протокольными вопросами, Савчук стал зачитывать обвинительное заключение.²⁴ Бубнил, привычно, боковым зрением, отслеживая реакцию зала, подсудимого, защитника. Лица у пришедших в заседание морщились, но вели они себя прилично – не было ни возгласов, ни реплик. Может быть, тому способствовал вызванный судьей наряд милиции. Два сержанта встали возле входа и посматривали в зал сурово. Подсудимый тоже молча слушал, на лице защитника эмоций не читалось. Ну, так это Коган...

– Приступаем к допросу подсудимого, – объявил Савчук, покончив с чтением. – Подсудимый, встаньте. Что вы можете сказать по поводу обвинения, обстоятельств дела?

²⁴ Во времена СССР обвинительное заключение оглашал судья, а не прокурор.

– Да вранье там все – до последней запятой, – ответил подсудимый. – Я не трогал этих обормотов – отдыхал и слушал музыку. Кстати, был одет и трезвый. Я не пью – это подтвердит любой, кто меня знает. Они мимо шли, а потом вдруг этот налетел, – он ткнул пальцем в Григоровича, – засадил ботинком по приемнику и сломал его. Я, конечно, возмутился, ну а он мне – кулаком. Только успокоил этого, как дружок его нарисовался. Тоже драться захотел. Ну, а мне что – щеку подставлять?

– Получается, на вас напали беспричинно, – хмыкнул заседатель Карпович. – Не находите, что это странно?

– Чего ж тут странного? – ответил подсудимого. – Оба были пьяными. Это и другие видели: участковый, два дружинника, девчонка. Нас всех отвели в опорный пункт, где инспектор и составил протокол. Написал, как было, и свидетели под этим подписались. Только в деле протокола нет, как и показаний тех свидетелей. Но зато возникли вдруг другие – тех, кто ничего не видел и на месте драки не присутствовал.

– Отчего же так случилось? – ядовито улыбнулся заседатель.

– Оттого, что у одного из этих хулиганов папа – большой начальник, – пожал плечами подсудимый. – И его сынок в опорном пункте этим козырял, угрожая всем нам неприятностями. Не соврал, как видим. Поэтому я подсудимый, ну, а он здесь, типа, потерпевший.

В зале недовольно загудели, кто-то выкрикнул: «Позор!»

– Призываю всех к порядку! – постучал ладонью по столу Савчук. – Нарушителей я удалю из зала. Вас, подсудимый, – тоже. Прекратите провоцировать публику инсинуациями. Вам все ясно?

– Понял, гражданин судья, – ответил подсудимый.

Савчук поморщился. К ответу не придаться, но как он это произнес... И еще это «гражданин». Ведь пока не осужден.

– Вопросы к подсудимому от обвинения? – продолжил заседание.

– Нет, – коротко ответил прокурор.

– Защитник?

Коган встал.

– Есть замечание по ведению суда. Вы не спросили подзащитного об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

– Каких? – нахмурился судья.

– О государственных наградах.

– В материалах дела нет сведений о них.

– Там многое отсутствует, – заметил Коган. – Прошу задать вопрос.

– Хорошо, – нехотя кивнул Савчук. – Подсудимый, у вас есть государственные награды?

– Имеются, – ответил тот.

– Какие?

– Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

По залу будто ветер пролетел. Пинчук почувствовал, как сердце на секунду встало. Он вытянул шею. Неужели?

– Подсудимый, попрошу вас избегать нелепых шуток! – насупился судья. – Здесь им не место.

– Подзащитный мой не шутит, – вновь вмешался Коган. Он подошел к столу судьи и стал выкладывать перед ним раскрытые коробочки. – Вот орден Ленина, а вот Звезда. Грамота Верховного Совета СССР о присвоении Борису Михайловичу Коровке звания Героя. Вот орденские книжки подзащитного и их заверенные нотариусом копии. Прошу приобщить их к материалам дела.

Его тирада ошеломила судей. Все трое на несколько мгновений замолчали, тупо глядя на награды. Первым пришел в себя народный заседатель. Взяв Грамоту, прочел ее и повернулся к подсудимому:

– За что Героя дали?

– За Даманский, – ответил подсудимый.

– Понятно. Молодец, сынок! Хорошую смену мы себе вырастили.

Пинчук почувствовал, как внутри все заледенело. Предчувствие его не обмануло: Коган приготовил козырь и сразу выбросил его на стол. Теперь пусть даже суд и согласится с обвинением, Коровку не посадят, определив ему условный срок. Но, скорей всего, отправят дело на следствие, а там тихонечко закроют. Квартиры капитану не видать, и это меньшее из зол. Он посмотрел на Мурина. Лицо у следова-

теля было, как у персонажей на картине Репина «Не ждали». Капитан поспешно отвернулся. Что скажет ему после лейтенант, Пинчук представил ясно. «Почему пацан не сообщил мне о наградах? – спросил себя, да сам же и ответил: – А ты не спрашивал. Торопился. Вот и огреб. Хреново...»

Процесс тем временем продолжился. Впечатленный наградами Коровки, судья удовлетворил все ходатайства Когана – в том числе о вызове на заседание представленных им свидетелей защиты. Их тоже попросили выйти в коридор. Суд приступил к допросу потерпевших. Начали с Григоровича. Студент отбарабанил придуманную для него версию и смолк.

– Вопросы у сторон? – озвучил председатель.

– Позвольте? – Коган встал. Получив кивок судьи, спросил: – Скажите, потерпевший, как близко вы видели подзащитного? С каких сторон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.